

Уильям Вордсворт
(1770 –1850)
Избранные стихотворения

(Приводятся по изданию: Избранная лирика: Сборник/Составл. Е. Зыковой. - М.: ОАО Издательство "Радуга", 2001. - На английском языке с параллельным русским текстом.)

The Thorn

I

"There is a Thorn - it looks so old,
In truth, you'd find it hard to say
How it could ever have been young,
It looks so old and grey.
Not higher than a two years' child
It stands erect, this aged Thorn;
No leaves it has, no prickly points;
It is a mass of knotted joints,
A wretched thing forlorn,
It stands erect, and like a stone
With lichens is it overgrown.

II

"Like rock or stone, it is o'ergrown,
With lichens to the very top,
And hung with heavy tufts of moss,
A melancholy crop:

Тёрн

I

- Ты набредешь на старый Терн
И ощутишь могильный холод:
Кто, кто теперь вообразит,
Что Терн был свеж и молод!
Старик, он ростом невелик,
С двухгодовалого младенца.
Ни листьев, даже ни шипов -
Одни узлы кривых сучков
Венчают отщепенца.
И, как стоячий камень, мхом
Отживший Терн оброс кругом.

II

Обросший, словно камень, мхом
Терновый куст неузнаваем:
С ветвей свисают космы мха
Унылым урожаем,

Up from the earth these mosses creep,
And this poor Thorn they clasp it round
So close, you'd say that they are bent
With plain and manifest intent
To drag it to the ground;
And all have joined in one endeavour
To bury this poor Thorn for ever.

III

"High on a mountain's highest ridge,
Where oft the stormy winter gale
Cuts like a scythe, while through the clouds
It sweeps from vale to vale;
Not five yards from the mountain path,
This Thorn you on your left espy;
And to the left, three yards beyond,
You see a little muddy pond
Of water-never dry
Though but of compass small, and bare
To thirsty suns and parching air.

IV

"And, close beside this aged Thorn,
There is a fresh and lovely sight,
A beauteous heap, a hill of moss,
Just half a foot in height.
All lovely colours there you see,
All colours that were ever seen;
And mossy network too is there,

И от корней взобрался мох
К вершине бедного растенья,
И навалился на него,
И не скрывает своего
Упорного стремленья -
Несчастный Терн к земле склонить
И в ней навек похоронить.

III

Тропою горной ты взойдешь
Туда, где буря точит кручи,
Откуда в мирный дол она
Свергается сквозь тучи.
Там от тропы шагах в пяти
Заметишь Терн седой и мрачный,
И в трех шагах за ним видна
Ложбинка, что всегда полна
Водою непрозрачной:
Ей нипочем и суховей,
И жадность солнечных лучей.

IV

Но возле дряхлого куста
Ты встретишь зрелище иное:
Покрытый мхом прелестный холм
В полфута вышиною.
Он всеми красками цветет,
Какие есть под небесами,
И мнится, что его покров

As if by hand of lady fair
The work had woven been;
And cups, the darlings of the eye,
So deep is their vermilion dye.

V

"Ah me! what lovely tints are there
Of olive green and scarlet bright,
In spikes, in branches, and in stars,
Green, red, and pearly white!
This heap of earth o'ergrown with moss,
Which close beside the Thorn you see,
So fresh in all its beauteous dyes,
Is like an infant's grave in size,
As like as like can be:
But never, never any where,
An infant's grave was half so fair.

VI

"Now would you see this aged Thorn,
This pond, and beauteous hill of moss,
You must take care and choose your time
The mountain when to cross.
For oft there sits between the heap
So like an infant's grave in size,
And that same pond of which I spoke,
A Woman in a scarlet cloak,
And to herself she cries,
'Oh misery! oh misery!

Сплетен из разноцветных мхов
Девичьими руками.
Он зеленеет, как тростник,
И пышет пламенем гвоздик.

V

О Боже, что за кружева,
Какие звезды, ветви, стрелы!
Там - изумрудный завиток,
Там - луч жемчужно-белый.
И как все блещет и живет!
Зачем же рядом Терн унылый?
Что ж, может быть, и ты найдешь,
Что этот холм чертами схож
С младенческой могилой.
Но как бы ты ни рассудил,
На свете краше нет могил.

VI

Ты рвешься к Терну, к озерку,
К холму в таинственном цветенье?
Спешить нельзя, остерегись,
Умерь на время рвенья:
Там часто Женщина сидит,
И алый плащ ее пылает;
Она сидит меж озерком
И ярким маленьким холмом
И скорбно повторяет:
"О, горе мне! О, горе мне!

Oh woe is me! oh misery!"

VII

"At all times of the day and night
This wretched Woman thither goes;
And she is known to every star,
And every wind that blows;
And there, beside the Thorn, she sits
When the blue daylight's in the skies,
And when the whirlwind's on the hill,
Or frosty air is keen and still,
And to herself she cries,
'Oh misery! oh misery!
Oh woe is me! oh misery!"

VIII

"Now wherefore, thus, by day and night,
In rain, in tempest, and in snow,
Thus to the dreary mountain-top
Does this poor Woman go?
And why sits she beside the Thorn
When the blue daylight's in the sky
Or when the whirlwind's on the hill,
Or frosty air is keen and still,
And wherefore does she cry? -
O wherefore? wherefore? tell me why
Does she repeat that doleful cry?"

IX

О, горе, горе, горе мне!"

VII

Несчастливая туда бредет
В любое время дня и ночи;
Там ветры дуют на нее
И звезд взирают очи;
Близ Терна Женщина сидит
И в час, когда лазурь блистает,
И в час, когда из льдистых стран
Над ней проносится буря, -
Сидит и причитает:
"О, горе мне! О, горе мне!
О, горе, горе, горе мне!"

VIII

- Молю, скажи, зачем она
При свете дня, в ночную пору,
Сквозь дождь и снег и ураган
Взбирается на гору?
Зачем близ Терна там сидит
И в час, когда лазурь блистает,
И в час, когда из льдистых стран
Над ней проносится буря, -
Сидит и причитает?
Молю, открой мне, чем рожден
Ее унылый долгий стон?"

IX

"I cannot tell; I wish I could;
For the true reason no one knows:
But would you gladly view the spot,
The spot to which she goes;
The hillock like an infant's grave,
The pond-and Thorn, so old and grey;
Pass by her door - 'tis seldom shut -
And, if you see her in her hut -
Then to the spot away!
I never heard of such as dare
Approach the spot when she is there."

X

"But wherefore to the mountain-top
Can this unhappy Woman go?
Whatever star is in the skies,
Whatever wind may blow?"
"Full twenty years are past and gone
Since she (her name is Martha Ray)
Gave with a maiden's true good-will
Her company to Stephen Hill;
And she was blithe and gay,
While friends and kindred all approved
Of him whom tenderly she loved.

XI

"And they had fixed the wedding day,
The morning that must wed them both;

- Не знаю; никому у нас
Загадка эта не под силу.
Ты убедишься: холм похож
На детскую могилу,
И мутен пруд, и мрачен Терн.
Но прежде на краю селенья
Взгляни в ее убогий дом,
И ежели хозяйка в нем,
Тогда лови мгновенье:
При ней никто еще не смел
Войти в печальный тот предел.

X

- Но как случилось, что она
На это место год от году
Приходит под любой звездой,
В любую непогоду?
- Лет двадцать минуло с поры,
Как другу Марта Рэй вручила
Свои мечты и всю себя,
Вручила, страстно любя
Лихого Стива Хилла.
Как беззаботна, весела,
Как счастлива она была!

XI

Родня благословила их
И объявила день венчанья;

But Stephen to another Maid
Had sworn another oath;
And, with this other Maid, to church
Unthinking Stephen went-
Poor Martha! on that woeful day
A pang of pitiless dismay
Into her soul was sent;
A fire was kindled in her breast,
Which might not burn itself to rest.

XII

"They say, full six months after this,
While yet the summer leaves were green,
She to the mountain-top would go,
And there was often seen.
What could she seek? - or wish to hide?
Her state to any eye was plain;
She was with child, and she was mad;
Yet often was she sober sad
From her exceeding pain.
O guilty Father-would that death
Had saved him from that breach of faith!

XIII

"Sad case for such a brain to hold
Communion with a stirring child!
Sad case, as you may think, for one
Who had a brain so wild!
Last Christmas-eve we talked of this,

Но Стив другой подружке дал
Другое обещанье;
С другой подругой под венец
Пошел, ликуя, Стив беспечный.
А Марта, - от несчастных дум
В ней скоро помрачился ум,
И вспыхнул уголь вечный,
Что тайно пепелит сердца,
Но не сжигает до конца.

XII

Так полугода не прошло,
Еще листва не пожелтела,
А Марта в горы повлеклась,
Как будто что хотела
Там отыскать - иль, может, скрыть.
Все замечали поневоле,
Что в ней дитя, а разум дик
И чуть светлеет лишь на миг
От непосильной боли.
Уж лучше б умер подлый Стив,
Ее любви не оскорбив!

XIII

О, что за грусть! Вообрази,
Как помутненный ум томится.
Когда под сердцем все сильней
Младенец шевелится!
Седой Джером под Рождество

And grey-haired Wilfred of the glen
Held that the unborn infant wrought
About its mother's heart, and brought
Her senses back again:
And, when at last her time drew near,
Her looks were calm, her senses clear.

XIV

"More know I not, I wish I did,
And it should all be told to you;
For what became of this poor child
No mortal ever knew;
Nay-if a child to her was born
No earthly tongue could ever tell;
And if 'twas born alive or dead,
Far less could this with proof be said;
But some remember well,
That Martha Ray about this time
Would up the mountain often climb.

XV

"And all that winter, when at night
The wind blew from the mountain-peak,
T'was worth your while, though in the dark,
The churchyard path to seek:
For many a time and oft were heard
Cries coming from the mountain head:
Some plainly living voices were;
And others, I've heard many swear,

Нас удивил таким рассказом:
Что, в матери набравшись сил,
Младенец чудо сотворил,
И к ней вернулся разум,
И очи глянули светло;
А там и время подошло.

XIV

Что было дальше - знает Бог,
А из людей никто не знает;
В селенье нашем до сих пор
Толкуют и гадают,
Что было - или быть могло:
Родился ли ребенок бедный,
И коль родился, то каким,
Лишенным жизни иль живым,
И как исчез бесследно.
Но только с тех осенних дней
Уходит в горы Марта Рэй.

XV

Еще я слышал, что зимой
При вьюге, любопытства ради,
В ночи стекались смельчаки
К кладбищенской ограде:
Туда по ветру с горных круч
Слетали горькие рыдания,
А может, это из гробов
Рвались наружу мертвецов

Were voices of the dead:
I cannot think, whate'er they say,
They had to do with Martha Ray.

XVI

"But that she goes to this old Thorn,
The Thorn which I described to you,
And there sits in a scarlet cloak
I will be sworn is true.
For one day with my telescope,
To view the ocean wide and bright,
When to this country first I came,
Ere I had heard of Martha's name,
I climbed the mountain's height: -
A storm came on, and I could see
No object higher than my knee.

XVII

"'T'was mist and rain, and storm and rain:
No screen, no fence could I discover;
And then the wind! in sooth, it was
A wind full ten times over.
I looked around, I thought I saw
A jutting crag, - and off I ran,
Head-foremost, through the driving rain,
The shelter of the crag to gain;
And, as I am a man,
Instead of jutting crag, I found
A Woman seated on the ground.

Невнятные стенанья.
Но вряд ли был полночный стон
К несчастной Марте обращен.

XVI

Одно известно: каждый день
Наверх бредет она упорно
И там в пылающем плаще
Тоскует возле Терна.
Когда я прибыл в этот край
И ничего не знал, то вскоре
С моей подзорною трубой
Я поспешил крутой тропой
Взглянуть с горы на море.
Но смерклось так, что я не мог
Увидеть собственных сапог.

XVII

Пополз туман, полился дождь,
Мне не было пути обратно,
Тем более что ветер вдруг
Окреп десятикратно.
Я озирался, я спешил
Найти убежище от шквала,
И, что-то смутно увидав,
Я бросился туда стремглав,
И предо мной предстала -
Нет, не расселина в скале,
Но Женщина в пустынной мгле.

XVIII

"I did not speak - I saw her face;
 Her face! - it was enough for me;
 I turned about and heard her cry,
 'Oh misery! oh misery!'
 And there she sits, until the moon
 Through half the clear blue sky will go;
 And, when the little breezes make
 The waters of the pond to shake,
 As all the country know,
 She shudders, and you hear her cry,
 'Oh misery! oh misery!'"

XIX

"But what's the Thorn? and what the pond?
 And what the hill of moss to her?
 And what the creeping breeze that comes
 The little pond to stir?"
 "I cannot tell; but some will say
 She hanged her baby on the tree;
 Some say she drowned it in the pond,
 Which is a little step beyond:
 But all and each agree,
 The little Babe was buried there,
 Beneath that hill of moss so fair.

XX

XVIII

Я онемел - я прочитал
 Таковую боль в погасшем взоре,
 Что прочь бежал, а вслед неслось:
 "О, горе мне! О, горе!"
 Мне объясняли, что в горах
 Она сидит безгласной тенью,
 Но лишь луна взойдет в зенит
 И воды озера взрябит
 Ночное дуновенье,
 Как раздается в вышине:
 "О, горе, горе, горе мне!"

XIX

- И ты не знаешь до сих пор,
 Как связаны с ее судьбою
 И Терн, и холм, и мутный пруд,
 И веянье ночное?
 - Не знаю; люди говорят,
 Что мать младенца удавила,
 Повесив на кривом сучке;
 И говорят, что в озере
 Под полночь утопила.
 Но все сойдется на одном:
 Дитя лежит под ярким мхом.

XX

"I've heard, the moss is spotted red
 With drops of that poor infant's blood;
 But kill a new-born infant thus,
 I do not think she could!
 Some say, if to the pond you go,
 And fix on it a steady view,
 The shadow of a babe you trace,
 A baby and a baby's face,
 And that it looks at you;
 Whene'er you look on it, 'tis plain
 The baby looks at you again.

XXI

"And some had sworn an oath that she
 Should be to public justice brought;
 And for the little infant's bones
 With spades they would have sought.
 But instantly the hill of moss
 Before their eyes began to stir!
 And, for full fifty yards around,
 The grass - it shook upon the ground!
 Yet all do still aver
 The little Babe lies buried there,
 Beneath that hill of moss so fair.

XXII

"I cannot tell how this may be,
 But plain it is the Thorn is bound

Еще я слышал, будто холм
 От крови пролитой багрится -
 Но так с ребенком обойтись
 Навряд ли мать решится.
 И будто - если постоять
 Над той ложбинкою нагорной,
 На дне дитя увидишь ты,
 И различишь его черты,
 И встретишь взгляд упорный:
 Какой бы в небе ни был час,
 Дитя с тебя не сводит глаз.

XXI

А кто-то гневом воспылал
 И стал взывать о правосудье;
 И вот с лопатами в руках
 К холму явились люди.
 Но тот же миг перед толпой
 Цветные мхи зашевелились,
 И на полета шагов вокруг
 Трава затрепетала вдруг,
 И люди отступились.
 Но все уверены в одном:
 Дитя зарыто под холмом.

XXII

Не знаю, так оно иль нет;
 Но только Терн по произволу

With heavy tufts of moss that strive
 To drag it to the ground;
 And this I know, full many a time,
 When she was on the mountain high,
 By day, and in the silent night,
 When all the stars shone clear and bright,
 That I have heard her cry,
 'Oh misery! oh misery!
 Oh woe is me! oh misery!'"

Тяжелых мрачных гроздьев мха
 Все время гнется долу;
 И сам я слышал с горных круч
 Несчастной Марты причитанья;
 И днем, и в тишине ночной
 Под ясной блещущей луной
 Прносятся рыданья:
 "О, горе мне! О, горе мне!
 О, горе, горе, горе мне!"

Перевод А. Сергеева

Баллада написана в Альфоксдене в 1798 г. Вордсворт позже вспоминал, что однажды на горе Квонток в ненастный день его поразил своим видом терн, которого он не замечал в обычную погоду. Тогда ему захотелось придумать такой сюжет, который сохранил бы этот терн в памяти читателя. Сюжет баллады воспроизводит одну из традиционных фольклорных тем, весьма популярных и в сентиментальной поэзии конца XVIII в.: девушка брошена возлюбленным в ожидании ребенка. В романтической обработке Вордсворта этот сюжет звучал особенно пронзительно благодаря силе чувств сраженной горем героини и тому, что вся природа оберегает ее горе как святыню.

The Mad Mother

I

Her eyes are wild, her head is bare,
 The sun has burnt her coal-black hair;
 Her eyebrows have a rusty stain,
 And she came far from over-the main.
 She has a baby on her arm,
 Or else she were alone:
 And underneath the hay-stack warm,
 And on the greenwood stone,
 She talked and sung the woods among,

Безумная мать

I

По бездорожью наугад, -
 Простоволоса, дикий взгляд, -
 Свирепым солнцем сожжена,
 В глухом краю бредет она.
 И на руках ее дитя,
 А рядом - ни души.
 Под стогом дух переведя,
 На камне средь лесной тиши
 Поет она, любви полна,

And it was in the English tongue.

II

"Sweet babe! they say that I am mad,
But nay, my heart is far too glad;
And I am happy when I sing
Full many a sad and doleful thing:
Then, lovely baby, do not fear!
I pray thee have no fear of me;
But safe as in a cradle, here,
My lovely baby! thou shall be:
To thee I know too much I owe;
I cannot work thee any woe.

III

"A fire was once within my brain;
And in my head a dull, dull pain;
And fiendish faces, one, two, three,
Hung at my breast, and pulled at me;
But then there came a sight of joy;
It came at once to do me good;
I waked, and saw my little boy,
My little boy of flesh and blood;
Oh joy for me that sight to see!
For he was here, and only he.

IV

"Suck, little babe, oh suck again!

И песнь английская слышна:

II

"О, мой малютка, жизнь моя!
Все говорят: безумна я.
Но мне легко, когда мою
Печаль я песней утолю.
И я молю тебя, малыш,
Не бойся, не страшись меня!
Ты словно в колыбели спишь,
И, от беды тебя храня,
Младенец мой, я помню свой
Великий долг перед тобой.

III

Мой мозг был пламенем объят,
И боль туманила мой взгляд,
И грудь жестоко той порой
Терзал зловещих духов рой.
Но, пробудясь, в себя придя,
Как счастлива я видеть вновь
И чувствовать свое дитя,
Его живую плоть и кровь!
Мной побежден кошмарный сон,
Со мной мой мальчик, только он.

IV

К моей груди, сынок, прильни

It cools my blood; it cools my brain:
 Thy lips I feel them, baby! they
 Draw from my heart the pain away.
 Oh! press me with thy little hand;
 It loosens something at my chest;
 About that tight and deadly band
 I feel thy little fingers prest.
 The breeze I see is in the tree:
 It comes to cool my babe and me.

V

"Oh! love me, love me, little boy!
 Thou art thy mother's only joy;
 And do not dread the waves below,
 When o'er the sea-rock's edge we go;
 The high crag cannot work me harm,
 Nor leaping torrents when they howl;
 The babe I carry on my arm,
 He saves for me my precious soul;
 Then happy lie; for blest am I;
 Without me my sweet babe would die.

VI

"Then do not fear, my boy! for thee
 Bold as a lion will I be;
 And I will always be thy guide,
 Through hollow snows and rivers wide.
 I'll build an Indian bower; I know
 The leaves that make the softest bed:

Губами нежными - они
 Как бы из сердца моего
 Вытягивают скорбь его.
 Покойся на груди моей,
 Ее ты пальчиками тронь:
 Дарует облегченье ей
 Твоя прохладная ладонь.
 Твоя рука свежа, легка,
 Как дуновенье ветерка.

V

Люби, люби меня, малыш!
 Ты счастье матери даришь!
 Не бойся злобных волн внизу,
 Когда я на руках несу
 Тебя по острым гребням скал.
 Мне скалы не сулят беды,
 Не страшен мне ревущий вал -
 Ведь жизнь мою спасаешь ты.
 Блаженна я, дитя храня:
 Ему не выжить без меня.

VI

Не бойся, маленький! Поверь,
 Отважная, как дикий зверь,
 Твоим вожатым буду я
 Через дремучие края.
 Устрою там тебе жилье,
 Из листьев - мягкую кровать.

And, if from me thou wilt not go,
But still be true till I am dead,
My pretty thing! then thou shall sing
As merry as the birds in spring.

VII

"Thy father cares not for my breast,
'Tis thine, sweet baby, there to rest;
'Tis all thine own! - and, if its hue
Be changed, that was so fair to view,
'Tis fair enough for thee, my dove!
My beauty, little child, is flown,
But thou wilt live with me in love,
And what if my poor cheek be brown?
'Tis well for me, thou canst not see
How pale and wan it else would be.

VIII

"Dread not their taunts, my little Life;
I am thy father's wedded wife;
And underneath the spreading tree
We two will live in honesty.
If his sweet boy he could forsake,
With me he never would have stayed:
From him no harm my babe can take;
But he, poor man! is wretched made;
And every day we two will pray
For him that's gone and far away.

И если ты, дитя мое,
До срока не покинешь мать, -
Любимый мой, в глуши лесной
Ты будешь петь, как дрозд весной.

VII

Спи на груди моей, птенец!
Ее не любит твой отец.
Она поблекла, отцвела.
Тебе ж, мой свет, она мила.
Она твоя. И не беда,
Что красота моя ушла:
Ты будешь верен мне всегда,
А в том, что стала я смугла,
Есть малый прок: ведь бледных щек
Моих не видишь ты, сынок.

VIII

Не слушай лжи, любовь моя!
С твоим отцом венчалась я.
Наполним мы в лесной тени
Невинной жизнью наши дни.
А он не станет жить со мной,
Когда тобою пренебрег.
Но ты не бойся: он не злой,
Он сам несчастен, видит Бог!
И каждым днем с тобой вдвоем
Молиться будем мы о нем.

IX

"I'll teach my boy the sweetest things:
 I'll teach him how the owlet sings.
 My little babe! thy lips are still,
 And thou hast almost sucked thy fill.
 - Where art thou gone, my own dear child?
 What wicked looks are those I see?
 Alas! alas! that look so wild,
 It never, never came from me:
 If thou art mad, my pretty lad,
 Then I must be for ever sad.

X

"Oh! smile on me, my little lamb!
 For I thy own dear mother am:
 My love for thee has well been tried:
 I've sought thy father far and wide.
 I know the poisons of the shade;
 I know the earth-nuts fit for food:
 Then, pretty dear, be not afraid:
 We'll find thy father in the wood.
 Now laugh and be gay, to the woods away!
 And there, my babe, we'll live for aye."

IX

Я обучу во тьме лесов
 Тебя ночному пенью сов.
 Недвижны губы малыша.
 Ты, верно, сыт, моя душа?
 Как странно помутились вмиг
 Твои небесные черты!
 Мой милый мальчик, взор твой дик!
 Уж не безумен ли и ты?
 Ужасный знак! Коль это так -
 Во мне навек печаль и мрак.

X

О, улыбнись, ягненок мой!
 И мать родную успокой!
 Я все сумела превозмочь:
 Отца искала день и ночь,
 Мне угрожали духи тьмы,
 Сырой землянкой был мой дом.
 Но ты не бойся, милый, мы
 С тобой в лесу отца найдем.
 Всю жизнь свою в лесном краю,
 Сынок, мы будем как в раю".

Перевод И. Меламеда

Баллада написана в Альфоксдене в 1798 г. История героини была рассказана Вордсворту "одной дамой из Бристоля, которая сама видела это бедное создание". Английские исследователи видят сходство этой баллады с некоторыми народными балладами из известного собрания епископа Перси Reliques of Old English Poetry (1765), особенно с балладой Lady Ann Bothwell's Lament.

The Idiot Boy

'Tis eight o'clock, - a clear March night,
The moon is up, - the sky is blue,
The owlet, in the moonlight air,
Shouts from nobody knows where;
He lengthens out his lonely shout,
Halloo! halloo! a long halloo!

- Why bustle thus about your door,
What means this bustle, Betty Foy?
Why are you in this mighty fret?
And why on horseback have you set
Him whom you love, your Idiot Boy?

Scarcely a soul is out of bed;
Good Betty, put him down again;
His lips with joy they burr at you;
But, Betty! what has he to do
With stirrup, saddle, or with rein?

But Betty's bent on her intent;
For her good neighbour, Susan Gale,
Old Susan, she who dwells alone,
Is sick, and makes a piteous moan
As if her very life would fail.

There's not a house within a mile,
No hand to help them in distress;

Слабоумный мальчик

Уж смерклось. Ровный свет луны
Лежит на рощах и лугу.
Бог весть откуда гулкий клич
Подруге шлет угрюмый сын.
Тоскливо в лунной тишине
"Угу!" - плывет - "Угу-у! Угу-у!".

Что так спешишь, что так дрожишь,
Что не в себе ты, Бетти Фой?
Зачем на пони водружен
Бедняжка слабоумный Джон,
Сыночек горемычный твой?

Уж все в округе спят давно.
Сними, сними его с седла!
Он горд, он радостно мычит;
Но, Бетти! он ли вдруг помчит
Сквозь сумрак вешний, как стрела?

Но Бетти знает лишь одно:
В беде соседка, Сьюзен Гей;
Она стара, она больна,
Совсем одна живет она,
И очень худо нынче ей.

А рядом ни души живой,
Ни дома на версту вокруг.

Old Susan lies a-bed in pain,
And sorely puzzled are the twain,
For what she ails they cannot guess.

And Betty's husband's at the wood,
Where by the week he doth abide,
A woodman in the distant vale;
There's none to help poor Susan Gale;
What must be done? what will betide?

And Betty from the lane has fetched
Her Pony, that is mild and good;
Whether he be in joy or pain,
Feeding at will along the lane,
Or bringing faggots from the wood.

And he is all in travelling trim, -
And, by the moonlight, Betty Foy
Has on the well-girt saddle set
(The like was never heard of yet)
Him whom she loves, her Idiot Boy.

And he must post without delay
Across the bridge and through the dale,
And by the church, and o'er the down,
To bring a Doctor from the town,
Or she will die, old Susan Gale.

There is no need of boot or spur,
There is no need of whip or wand;
For Johnny has his holly-bough,

Кто вразумит их в эту ночь,
Как старой Сьюзен им помочь,
Чем облегчить ее недуг?

Они одни, темно кругом,
И мужа Бетти дома нет:
Он дровосек; в соседний дол
Вчера он лес валить ушел.
Что делать им? Кто даст ответ?

И Бетти пони своего
Тогда выводит со двора.
Конек тот всюду и везде -
Что на кормежке, что в узде -
Являл отменно смирный нрав.

Оседлан добрый пони вмиг,
И - случай видан ли такой? -
В дорогу Бетти снаряжен
Бедняжка слабоумный Джон,
Ее сыночек дорогой.

Вниз по долине, через мост
Пускай он в город мчит скорей.
У церкви доктор там живет,
Пускай его он позовет,
А то помрет ведь Сьюзен Гей.

Не нужно Джонни ни хлыста,
Ни острых шпор, ни света дня.
Лишь веткой остролиста он

And with a _hurly-burly_ now
He shakes the green bough in his hand.

And Betty o'er and o'er has told
The Boy, who is her best delight,
Both what to follow, what to shun,
What do, and what to leave undone,
How turn to left, and how to right.

And Betty's most especial charge,
Was, "Johnny! Johnny! mind that you
Come home again, nor stop at all, -
Come home again, whate'er befall,
My Johnny, do, I pray you do."

To this did Johnny answer make,
Both with his head and with his hand,
And proudly shook the bridle too;
And then! his words were not a few,
Which Betty well could understand.

And now that Johnny is just going,
Though Betty's in a mighty flurry,
She gently pats the Pony's side,
On which her Idiot Boy must ride,
And seems no longer in a hurry.

But when the Pony moved his legs,
Oh! then for the poor Idiot Boy!
For joy he cannot hold the bridle,
For joy his head and heels are idle,

Размахивает, возбужден,
Над холкой своего коня.

Полна тревог, полна забот,
Внушала долго сыну мать,
Какой держать он должен путь,
Где вправо, влево где свернуть,
Как мест опасных избегать.

А самой главной из забот
Была: "Сынок, потом домой!
Нигде не жди, нигде не стой,
Позвал врача - и враз домой.
Ты понял, Джон, разумник мой?"

И Джонни радостно в ответ
Мычит, кивает, в путь готов,
Уздечку дергает, спеша.
И материнская душа
Ответ тот поняла без слов.

Хоть Бетти впору их вернуть,
Она сдержала свой порыв,
Лошадке легкий дав шлепок.
И вот уж тронулся конек,
И Бетти вслед глядит, застыв.

Но только тронулся конек, -
Бедняжка слабоумный Джон! -
От счастья сам он стал не свой,
Не шевельнет рукой-ногой,

He's idle all for very joy.

And while the Pony moves his legs,
In Johnny's left hand you may see
The green bough motionless and dead:
The Moon that shines above his head
Is not more still and mute than he.

His heart it was so full of glee,
That till full fifty yards were gone,
He quite forgot his holly whip,
And all his skill in horsemanship:
Oh! happy, happy, happy John.

And while the Mother, at the door,
Stands fixed, her face with joy o'erflows,
Proud of herself, and proud of him,
She sees him in his travelling trim,
How quietly her Johnny goes.

The silence of her Idiot Boy,
What hopes it sends to Betty's heart!
He's at the guide-post-he turns right;
She watches till he's out of sight,
And Betty will not then depart.

Burr, burr - now Johnny's lips they burr,
As loud as any mill, or near it;
Meek as a lamb the Pony moves,
And Johnny makes the noise he loves,
And Betty listens, glad to hear it.

Уздечку еле держит он.

В руке поникшей остролист
Застыл недвижим; в вышине
Над лесом мартовским луна
Не так тиха, не так нема,
Как этот мальчик на коне.

Все ликовало, пело в нем.
Так с полверсты проехал он,
Забыв и повод под рукой,
И что наездник он лихой, -
Он счастлив, счастлив, счастлив Джон!

А мать стояла у ворот,
Собой горда, сынком горда,
И все ему смотрела вслед:
Уж так спокоен он в седле,
Так выправка его тверда!

Его молчанье - добрый знак:
Доедет, Бог его хранит.
Вот он свернул направо в лес,
Совсем из вида уж исчез,
А Бетти все вослед глядит.

Вон песню замурчал свою,
В тиши ночной она слышна -
Журчит, как мельничный ручей.
И конь под ним овцы смиренней -
И ночь уж Бетти не страшна.

Away she hies to Susan Gale:
Her Messenger's in merry tune;
The owlets hoot, the owlets curr,
And Johnny's lips they burr, burr, burr,
As on he goes beneath the moon.

His steed and he right well agree;
For of this Pony there's a rumour,
That, should he lose his eyes and ears,
And should he live a thousand years,
He never will be out of humour.

But then he is a horse that thinks!
And when he thinks, his pace is slack;
Now, though he knows poor Johnny well,
Yet, for his life, he cannot tell
What he has got upon his back.

So through the moonlight lanes they go,
And far into the moonlight dale,
And by the church, and o'er the down,
To bring a Doctor from the town,
To comfort poor old Susan Gale.

And Betty, now at Susan's side,
Is in the middle of her story,
What speedy help her Boy will bring,
With many a most diverting thing,
Of Johnny's wit, and Johnny's glory.

Теперь - утешить Сьюзен Гей:
В пути гонец их удалой.
Кричат сычи, кричат в ночи,
А Джонни "тру-тру-тру" мурчит -
Беспечный всадник под луной.

И пони с Джонни заодно:
Добрей конька в округе нет.
Что б ни пришлось ему снести,
Он будет так же добр и тих,
Хоть проживи он тыщу лет.

Но он и мыслит! А уж тут
Шаг замедляется вдвойне.
Он Джонни знает; но сейчас
Он с толку сбит; на этот раз
Все так там странно, на спине!

Так движутся они сквозь лес,
По лунным тропам в лунный дол.
У церкви доктор там живет,
Его-то Джон и позовет,
Чтоб к хворой Сьюзен он пришел.

А Бетти, сидя при больной,
О Джонни все заводит речь:
Что уж вот-вот вернется он,
И как он храбр, и как умен, -
Чтоб Сьюзен хоть чуть-чуть отвлечь.

And Betty, still at Susan's side,
By this time is not quite so flurried:
Demure with porringer and plate
She sits, as if in Susan's fate
Her life and soul were buried.

But Betty, poor good woman! she,
You plainly in her face may read it,
Could lend out of that moment's store
Five years of happiness or more
To any that might need it.

But yet I guess that now and then
With Betty all was not so well;
And to the road she turns her ears,
And thence full many a sound she hears,
Which she to Susan will not tell.

Poor Susan moans, poor Susan groans;
"As sure as there's a moon in heaven,"
Cries Betty, "he'll be back again;
They'll both be here-'tis almost ten-
Both will be here before eleven."

Poor Susan moans, poor Susan groans;
The clock gives warning for eleven;
"Tis on the stroke-"He must be near,"
Quoth Betty, "and will soon be here,
As sure as there's a moon in heaven."

The clock is on the stroke of twelve,

И Бетти, сидя при больной,
За ней заботливо следит:
То хлеб, то ковш придвинет к ней -
Как будто лишь о Сьюзен Гей
Сейчас душа у ней болит.

Но глянем глубже ей в глаза:
От нас, бедняжке, ей не скрыть,
Что счастьем, гордостью она
В минуту эту так полна,
Что всем готова их дарить.

И все же отчего порой
Она глядит в окно тайком?
То речь ведет - то смолкнет вдруг,
Как будто ловит каждый звук
В лесу безмолвном за окном.

Все громче стонет Сьюзен Гей.
А Бетти ей: "Сейчас, сейчас.
Луна ясна, они в пути,
Они вот-вот должны прийти.
Уж на дворе десятый час".

Но стонет, стонет Сьюзен Гей.
Вон и одиннадцать уж бьет.
А Бетти все свое твердит:
"Луна ясна, они в пути,
Они появятся вот-вот".

Приблизился полночный час.

And Johnny is not yet in sight:
- The Moon's in heaven, as Betty sees,
But Betty is not quite at ease;
And Susan has a dreadful night.

And Betty, half an hour ago,
On Johnny vile reflections cast:
"A little idle sauntering Thing!"
With other names, an endless string;
But now that time is gone and past.

And Betty's drooping at the heart,
That happy time all past and gone,
"How can it be he is so late ?
The Doctor, he has made him wait;
Susan! they'll both be here anon."

And Susan's growing worse and worse,
And Betty's in a sad _quandary_ ;
And then there's nobody to say
If she must go, or she must stay!
- She's in a sad _quandary_.

The clock is on the stroke of one;
But neither Doctor nor his Guide
Appears along the moonlight road;
There's neither horse nor man abroad,
And Betty's still at Susan's side.

And Susan now begins to fear
Of sad mischances not a few,

Луна по-прежнему ясна,
Льет на округу ровный свет.
А доктора все нет и нет,
И бедной Сьюзен не до сна.

А Бетти? Час назад она
Бранилась в шутку: "Вот лентяй!
Замешкался в пути, видать.
Теперь ему несдобровать -
Получит знатный нагоняй!"

Но час прошел, а Джонни нет;
Теперь уж не до шуток ей.
Его все нет. Что с ним стряслось?
Он ждет там доктора небось.
Забот так много у врачей.

Все громче стонет Сьюзен Гей.
Что делать Бетти? Как ей быть?
Бежать ли в лес сына искать -
Иль при больной сидеть и ждать?
Кто ей подскажет, как ей быть?

Уж время за полночь давно,
А доктор к Сьюзен не спешит.
Плывет над лесом лунный свет,
А Джонни нет, и пони нет,
А Бетти все с больной сидит.

Да и больной не по себе -
Не перечсть тут страхов всех.

That Johnny may perhaps be drowned;
Or lost, perhaps, and never found;
Which they must both for ever rue.

She prefaced half a hint of this
With, "God forbid it should be true!"
At the first word that Susan said
Cried Betty, rising from the bed,
"Susan, I'd gladly stay with you.

"I must be gone, I must away:
Consider, Johnny's but half-wise;
Susan, we must take care of him,
If he is hurt in life or limb" -
"Oh God forbid!" poor Susan cries.

"What can I do?" says Betty, going,
"What can I do to ease your pain?
Good Susan tell me, and I'll stay;
I fear you're in a dreadful way,
But I shall soon be back again."

"Nay, Betty, go! good Betty, go!
There's nothing that can ease my pain."
Then off she hies; but with a prayer
That God poor Susan's life would spare,
Till she comes back again.

So, through the moonlight lane she goes,
And far into the moonlight dale;
And how she ran, and how she walked,

Вдруг утонул, пропал в пути,
Вдруг и следов уж не найти?
Какой на душу ляжет грех!

И лишь она сказала вслух -
Шепнула: "Упаси Господь!", -
Как Бетти, словно враз решаешь,
Рывком со стула поднялась,
Себя не в силах побороть.

"Ах, Сьюзен, я пойду за ним!
Пойду! уж ты не обессудь!
Ведь он еще дитя, наш Джон,
Да и головкой не силен.
Теперь блуждает где-нибудь.

Пойду! Я мигом обернусь!
Но коль совсем тебе невмочь,
То я останусь, так и быть.
Что дать тебе, чем пособить?
О Боже правый! Ну и ночь!" -

"Иди, голубушка, иди!
Я потерплю, достанет сил".
И Бетти птицей за порог,
С молитвой Богу, чтоб помог,
Чтоб Сьюзен Гей он охранил.

И вот спешит она сквозь лес,
По лунным тропам в лунный дол...
Но о пути о том рассказ

And all that to herself she talked,
Would surely be a tedious tale.

In high and low, above, below,
In great and small, in round and square,
In tree and tower was Johnny seen,
In bush and brake, in black and green;
T'was Johnny, Johnny, every where.

And while she crossed the bridge, there came
A thought with which her heart is sore -
Johnny perhaps his horse forsook,
To hunt the moon within the brook,
And never will be heard of more.

Now is she high upon the down,
Alone amid a prospect wide;
There's neither Johnny nor his Horse
Among the fern or in the gorse;
There's neither Doctor nor his Guide.

"O saints! what is become of him?
Perhaps he's climbed into an oak,
Where he will stay till he is dead;
Or, sadly he has been misled,
And joined the wandering gipsy-folk.

"Or him that wicked Pony's carried
To the dark cave, the goblin's hall;
Or in the castle he's pursuing
Among the ghosts his own undoing;

Не сократить ли мне сейчас?
Лишь скуку б он на всех навел.

Все, все, что ловит жадный взор:
И строй стволов, и вязь ветвей,
И донный мрак, и лунный блик, -
Все ей являет Джонни лик,
Повсюду Джонни мнится ей.

Вот шаткий мост через ручей -
И новой мукой мысль полна:
Он слез с коня, вступил в затон -
Достать луну тянулся он, -
А в этом месте глубь без дна.

Вот на холме она; застыв,
Глазами обегает дол.
Но среди рощ, средь ивняка -
Ни Джонни, ни его конька,
Весь лунный дол и пуст и гол.

"Отцы святы! Может, он,
Увлечшись чем, залез в дупло,
Задохся там? Забрел, блажной,
К цыганам, и его с собой
Бродяжье племя увело?

Иль этот пони, карла злой,
Его к кикиморам завел?
Иль в тот он замок нежилой
Попал, где вьется духов рой,

Or playing with the waterfall."

At poor old Susan then she railed,
While to the town she posts away;
"If Susan had not been so ill,
Alas! I should have had him still,
My Johnny, till my dying day."

Poor Betty, in this sad distemper,
The Doctor's self could hardly spare:
Unworthy things she talked, and wild;
Even he, of cattle the most mild,
The Pony had his share.

But now she's fairly in the town,
And to the Doctor's door she hies;
'Tis silence all on every side;
The town so long, the town so wide,
Is silent as the skies.

And now she's at the Doctor's door,
She lifts the knocker, rap, rap, rap;
The Doctor at the casement shows
His glimmering eyes that peep and doze!
And one hand rubs his old night-cap.

"O Doctor! Doctor! where's my Johnny?"
"I'm here, what is't you want with me?"
"O Sir! you know I'm Betty Foy,
And I have lost my poor dear Boy,
You know him-him you often see;

Погибель там свою нашел?"

Увы, в сердцах она упрек
Шлет и бедняжке Сьюзен Гей:
Не захворай она не в срок,
Он был бы с ней, ее сынок,
Утехой до скончанья дней.

Сама от горя не своя,
Она и доктора корит.
Потом конька настал черед -
Хоть нравом так уж кроток тот,
Что мухе зла не причинит.

Вот домик докторский; она
Бежит к дверям его в слезах.
А за спиною город лег,
Он так широк, в нем сто дорог -
И тишь, как в небесах.

Стучится в докторскую дверь,
Стучит, зовет и так и сяк.
Тот высунулся из окна,
Моргает, щурится со сна
И поправляет свой колпак.

"Где Джонни, доктор, мой сынок?" -
"Ты что шумишь в столь поздний час?" -
"Простите, сэр. Я Бетти Фой.
Пропал сыночек бедный мой,
Его видали вы не раз.

"He's not so wise as some folks be:"
"The devil take his wisdom!" said
The Doctor, looking somewhat grim,
"What, Woman! should I know of him?"
And, grumbling, he went back to bed!

"O woe is me! O woe is me!
Here will I die; here will I die;
I thought to find my lost one here,
But he is neither far nor near,
Oh! what a wretched Mother I!"

She stops, she stands, she looks about;
Which way to turn she cannot tell.
Poor Betty! it would ease her pain
If she had heart to knock again;
- The clock strikes three - a dismal knell!

Then up along the town she hies,
No wonder if her senses fail;
This piteous news so much it shocked her,
She quite forgot to send the Doctor,
To comfort poor old Susan Gale.

And now she's high upon the down,
And she can see a mile of road:
"O cruel! I'm almost threescore;
Such night as this was ne'er before,
There's not a single soul abroad."

Он... слабоват чуток умом".
А тот сердито ей в ответ:
"Да что мне до его ума?
В своем ли ты уме сама?"
Хлоп ставней - и его уж нет.

"Ох, горе мне! Хоть помирай! -
Запричитала Бетти Фой. -
Где мне его теперь искать?
Несчастней есть ли в мире мать?
Пропал, пропал сыночек мой!"

Мутится ум - куда теперь,
В тот темный дол? Безжизнен он
И пуст, куда ни посмотри.
И бой часов - пробило три! -
Звучит, как похоронный звон.

И вот - назад, в обратный путь.
И диво ль, что в беде своей,
Тоскою смертной сражена,
Забыла доктора она
Послать к бедняжке Сьюзен Гей?

Вот снова поднялась на холм.
Лишь дали мгlistые кругом.
Куда теперь? Да и невмочь
Уже бежать ей. Что за ночь!
И ни одной души кругом.

She listens, but she cannot hear
The foot of horse, the voice of man;
The streams with softest sound are flowing,
The grass you almost hear it growing,
You hear it now, if e'er you can.

The owlets through the long blue night
Are shouting to each other still:
Fond lovers! yet not quite hob nob,
They lengthen out the tremulous sob,
That echoes far from hill to hill.

Poor Betty now has lost all hope,
Her thoughts are bent on deadly sin,
A green-grown pond she just has past,
And from the brink she hurries fast,
Lest she should drown herself therein.

And now she sits her down and weeps;
Such tears she never shed before;
"Oh dear, dear Pony! my sweet joy!
Oh carry back my Idiot Boy!
And we will ne'er o'erload thee more."

A thought is come into her head:
The Pony he is mild and good,
And we have always used him well;
Perhaps he's gone along the dell,
And carried Johnny to the wood.

Then up she springs as if on wings;

Не слышен в чуткой тишине
Ни конский шаг, ни глас людской.
Лишь можно слышать - но не ей! -
Как меж полей бежит ручей,
Как травы всходят над землей.

Перекликаясь в синей мгле,
Все стонут, ухают сычи.
Так души тех, что влюблены,
Но злой судьбой разлучены,
Друг другу знак дают в ночи.

Вот пруд. И Бетти перед ним
Остановилась, вся дрожит:
Так тянет вниз ее вода!
О смертный грех! И от пруда
Она в смятенье прочь бежит.

И села наземь наконец,
И плачет, плачет в три ручья.
Теперь уж молит и конька:
"Ты привези домой сынка,
Скотинка добрая моя!

Уж я ль не холила тебя?
Не лучший ли тебе овес
В кормушку клала? Верно, ты
Сам заплутал средь темноты
И в дальний лес его увез?"

И птицею взметнулась вновь -

She thinks no more of deadly sin;
If Betty fifty ponds should see,
The last of all her thoughts would be
To drown herself therein.

O Reader! now that I might tell
What Johnny and his Horse are doing
What they've been doing all this time,
Oh could I put it into rhyme,
A most delightful tale pursuing!

Perhaps, and no unlikely thought!
He with his Pony now doth roam
The cliffs and peaks so high that arc,
To lay his hands upon a star,
And in his pocket bring it home.

Perhaps he's turned himself about,
His face unto his horse's tail,
And, still and mute, in wonder lost,
All silent as a horseman-ghost,
He travels slowly down the vale.

And now, perhaps, is hunting sheep,
A fierce and dreadful hunter he;
Yon valley, now so trim and green,
In five months' time, should he be seen,
A desert wilderness will be!

Perhaps, with head and heels on fire,
And like the very soul of evil,

Стенать и мешкать ей не след!
Коль пруд ее на смертный грех
Чуть не навел, то мыслей тех
Сейчас уж и в помине нет.

Теперь, читатель, не пора ль
Нам взор на Джонни обратить?
Я медлю - дар мне тот ли дан?
Какой волнующий роман
Я в рифмы должен перелить!

Быть может, он с конем - как знать? -
Скитается меж горных скал,
С небесной вровень синевой,
Чтоб, с тверди сняв, принести домой
Звезду, которую искал?

Или, к хвосту конька лицом
Разворотясь, в себя ушел
И, думой чудною пленен,
Нем и недвижен едет он,
Как всадник-призрак, через дол?

Иль он охотник, дик и смел,
Гроза баранов, бич овец!
Вот тот лужок - неделек пять,
И вам его уж не узнать:
Дотла опустошен, вконец!

Иль демон он, исчадье зла,
Весь пламя с головы до пят;

He's galloping away, away,
And so will gallop on for aye,
The bane of all that dread the devil!

I to the Muses have been bound
These fourteen years, by strong indentures:
O gentle Muses! let me tell
But half of what to him befell;
He surely met with strange adventures.
O gentle Muses! is this kind?

Why will ye thus my suit repel?
Why of your further aid bereave me?
And can ye thus unfriended leave me
Ye Muses! whom I love so well.

Who's yon, that, near the waterfall,
Which thunders down with headlong force,
Beneath the moon, yet shining fair,
As careless as if nothing were,
Sits upright on a feeding horse?

Unto his horse-there feeding free,
He seems, I think, the rein to give;
Of moon or stars he takes no heed;
Of such we in romances read:
- 'Tis Johnny! Johnny! as I live.

And that's the very Pony, too!
Where is she, where is Betty Foy?
She hardly can sustain her fears;

Как вихрь он мчит, взметая прах,
Трусливым душам всем на страх,
Что перед дьяволом дрожат!

О Музы! Дале вас молю -
Ваш давний верный ученик:
Как, в меру дара моего,
Мне воссоздать хоть часть того,
Что испытал он, что постиг?

Но, Музы! Это ль мне ответ?
Ответ на всю мою любовь?
Вы отвернулись от меня,
Ни вдохновенья, ни огня
Дарить мне не хотите вновь!

Что ж... Кто вон там, в тени ветвей,
Где водопад взрывает тишь,
Застыл, как праздный пилигрим?
Беспечный всадник, а под ним
Пасется мирно конь-малыш.

На волю своего конька
Ездок, видать, отдался весь.
Что ночь ему и что луна?
Все как в романе - суть ясна:
Ведь это Джонни! Он и есть!

И пони с ним, приятель наш.
А что ж бедняжка Бетти Фой?
У ней на сердце все мрачней:

The roaring waterfall she hears,
And cannot find her Idiot Boy.

Your Pony's worth his weight in gold:
Then calm your terrors, Betty Foy!
She's coming from among the trees,
And now all full in view she sees
Him whom she loves, her Idiot Boy.

And Betty sees the Pony too:
Why stand you thus, good Betty Foy?
It is no goblin, 'tis no ghost,
'Tis he whom you so long have lost,
He whom you love, your Idiot Boy.

She looks again - her arms are up -
She screams - she cannot move for joy;
She darts, as with a torrent's force,
She almost has o'erturned the Horse,
And fast she holds her Idiot Boy.

And Johnny burrs, and laughs aloud;
Whether in cunning or in joy
I cannot tell; but while he laughs,
Betty a drunken pleasure quaffs
To hear again her Idiot Boy.

And now she's at the Pony's tail,
And now is at the Pony's head, -
On that side now, and now on this;
And, almost stifled with her bliss,

Шум водопада слышен ей,
Но Джонни - где же он, родной?

Глянь, кто у пони на спине!
Прочь все тревоги, Бетти Фой!
Смахни слезу, раздвинь кусты -
Кого вдали там видишь ты?
То он, сыночек твой родной!

Ну что ж к нему ты не спешишь?
Стоишь - застыла, Бетти Фой?
Не леший он, не призрак он,
Ведь это твой бедняжка Джон,
Сыночек неразумный твой!

И руки вскинула она -
Зашлась от радости - стрелой
Метнулась - чуть не сбила с ног
Лошадку: "Джонни, мой сынок,
Голубчик ненаглядный мой!"

А Джонни радостно мычит,
Потом залился смехом вдруг -
Лукавым, ласковым - как знать?
Но с жадностью вливает мать
Из уст родных малейший звук.

Вкруг пони мечется она,
То к морде, то к хвосту спешит;
Все в ней поет - а на глаза
Нет-нет и набежит слеза

A few sad tears does Betty shed.

She kisses o'er and o'er again
Him whom she loves, her Idiot Boy;
She's happy here, is happy there,
She is uneasy every where;
Her limbs are all alive with joy.

She pats the Pony, where or when
She knows not, happy Betty Foy!
The little Pony glad may be,
But he is milder far than she,
You hardly can perceive his joy.

"Oh! Johnny, never mind the Doctor;
You've done your best, and that is all:"
She took the reins, when this was said,
And gently turned the Pony's head
From the loud waterfall.

By this the stars were almost gone,
The moon was setting on the hill,
So pale you scarcely looked at her:
The little birds began to stir,
Though yet their tongues were still.

The Pony, Betty, and her Boy,
Wind slowly through the woody dale;
And who is she, betimes abroad,
That hobbles up the steep rough road?
Who is it, but old Susan Gale?

И там печально так дрожит.

Но Джонни цел! Она его
Целует, гладит то и знай,
И вся сияет, и слегка
Сынка стыдится и конька -
Но радость бьет в ней через край!

И пони шлепает она,
И тербит, и шутит с ним.
А пони, может, тоже рад,
Но на восторги скуповат,
И вид его невозмутим.

"А доктор - Бог с ним, мой родной!
Бог с ним! Ты сделал все, что мог!" -
И за узду конька взяла
И прочь от места отвела,
Где пенился поток.

А звезды уж почти сошли
С небес, и над холмом луна
Бледнее полотна. В кустах
Уж слышно шевеленье птах,
Хоть песнь еще и не слышна.

Бредут они лесной тропой,
И каждый думой полн своей.
Но кто спешит навстречу им,
Заботой раннюю гоним?
Она, старушка Сьюзен Гей!

Long time lay Susan lost in thought;
And many dreadful fears beset her,
Both for her Messenger and Nurse;
And, as her mind grew worse and worse,
Her body - it grew better.

She turned, she tossed herself in bed,
On all sides doubts and terrors met her;
Point after point did she discuss;
And, while her mind was fighting thus,
Her body still grew better.

"Alas! what is become of them?
These fears can never be endured;
I'll to the wood." - The word scarce said,
Did Susan rise up from her bed,
As if by magic cured.

Away she goes up hill and down,
And to the wood at length is come;
She spies her Friends, she shouts a greeting;
Oh me! it is a merry meeting
As ever was in Christendom.

The owls have hardly sung their last,
While our four travellers homeward wend;
The owls have hooted all night long,
And with the owls began my song,
And with the owls must end.

Она о Джонни не могла
Забыть среди всех жестоких мук:
Куда, болезный, он пропал?
Все ближе страх к ней подступал,
И - отступал недуг.

В тревоге неотвязной ей
Чего-чего не мнилось вдруг!
И билась мысль, метался ум
В смятенном вихре этих дум -
И отступал недуг.

"Нет, муки этой мне не снести!" -
И вот, не тратя лишних слов,
Она все силы напрягла,
С постели встала - и пошла,
Как бы на властный зов.

И вот бежит, все в ней дрожит -
Найти б их только удалось!
И вдруг вдали своих друзей
Завидела - и сердце в ней
От радости зашлось!

Бредут они домой сквозь лес,
И не перестает звучать
Сычей погудка под луной.
С нее рассказ я начал свой -
Уж ею и кончать.

For while they all were travelling home,
Cried Betty, "Tell us, Johnny, do,
Where all this long night you have been,
What you have heard, what you have seen:
And, Johnny, mind you tell us true."

Now Johnny all night long had heard
The owls in tuneful concert strive;
No doubt too he the moon had seen;
For in the moonlight he had been
From eight o'clock till five.

And thus, to Betty's question, he
Made answer, like a traveller bold,
(His very words I give to you,)
"The cocks did crow to-who, to-who,
And the sun did shine so cold!"
- Thus answered Johnny in his glory,
And that was all his travel's story.

Спросить решила мать гонца:
"Так что ж ты не вернулся в срок?
Где ночью темной ты плутал,
Что ты видал, что ты слышал?
Скажи нам все как есть, сынок!"

А он, конечно, в эту ночь
Не раз слышал сычиный зов,
И в небесах луну видал -
В подлунном мире он блуждал
Не зря аж целых семь часов.

И вот доподлинный ответ,
Что Бетти дал ее посол.
Он все сказал, как на духу:
"Петух - он пел: ку-гу-у! ку-гу-у!
От солнышка - ух, холод шел!"
Все рассказал наш молодец -
И тут истории конец.

Перевод А. Карельского

Баллада написана в 1798 г. Вордсворт прокомментировал ее так: "Последняя строфа The Cocks did crow to-who, to-who, And the sun did shine so cold послужила основой всего сочинения. Эти слова были переданы мне моим добрым другом Томасом Пулом; с тех пор я слышал похожие рассказы о других слабоумных. Позволю себе добавить, что это длинное стихотворение было сочинено в рощах Альфоксдена почти на одном дыхании; мне кажется, ни слова не было изменено, только опущена одна строфа. Упоминаю об этом с благодарностью за те счастливые минуты, потому что, воистину, ни одно стихотворение я не сочинял с такой радостью".

Перевод А. Карельского впервые опубликован в 1992 г. Приводим отрывок из размышлений переводчика, касающихся содержания баллады: "Прочитав в свое время эту балладу, я поразился безупречной чистоте нравственного чувства, ее пронизывающего, и ужаснулся кричащему несоответствию между текстом и его интерпретациями. Мне

говорят, что тут показан идиотизм деревенской жизни, а я у Вордсворта вижу ее органическую доброту и достоинство; одни мне говорят, что Джонни бестолков и придурковат, а другие, напротив, уверяют, что поэт хотел показать в нем некую "высшую мудрость"; но я не вижу ни того, ни другого. "Бестолков" и "придурковат" - так мы можем сказать о нормальном неумном, но не об умственно больном человеке, а Вордсворт показывает мальчика именно больного, и по отношению к нему такие эпитеты ненужно жестоки. Но и никакой высшей мудрости поэт своему герою нигде не приписывает - он лишь с сострадательной чуткостью допускает возможность того, что у этого бедного создания может быть свой особый мир, свое воображение, свое чувство радости, доблести, красоты. И то, как деликатно поэт вводит эту тему (в описании ночных странствий Джонни), с каким добрым лукавством он берет ответственность за все эти фантазии собственно на себя, подавая их как всего лишь свои предположения, - все это ставит под сомнение даже и пресловутую простоту вордсвортовского стиля: на самом-то деле он являет нам высший пилотаж поэтического артистизма. Писать просто и хорошо - задача посложней, чем писать темно и вяло: вот еще и поэтический, а не только этический урок Вордсворта".

The Complaint of a Forsaken Indian Woman

When a Northern Indian, from sickness, is unable to continue his journey with his companions, he is left behind, covered over with deer-skins, and is supplied with water, food, and fuel, if the situation of the place with afford it. He is informed of the track which his companions intend to pursue, and if he be unable to follow, or overtake them, he perishes alone in the desert; unless he should have the good fortune to fall in with some other tribes of Indians. The females are equally, or still more, exposed to the same fate. See that very interesting work Hearn's *Journey from Hudson's Bay to the Northern Ocean*. In the high northern latitudes, as the same writer informs us, when the northern lights vary their position in the air, they make a rustling and a crackling noise, as alluded to in the following poem.

Жалоба покинутой индианки

На севере, если индеец, истощенный дорогой, не в силах следовать за своим племенем, товарищи накрывают его оленьими шкурами и, снабдив водой, пищей и, если возможно, топливом, оставляют одного. Ему говорят, каким путем они намерены следовать, и если он слишком слаб, чтобы их догнать, - он осужден на одинокую смерть в пустыне, разве что, по счастью, на него набредет другое племя. Женщины наравне с мужчинами, если не чаще, подвергаются этой участи. Смотри по этому поводу интереснейший труд Хирна "Путешествие от Гудзонова залива к Ледовитому океану". В северных широтах, сообщает тот же писатель, когда северное сияние меняет свое положение в небе, оно издает сухой треск, о котором и упоминается в этой поэме.

I

Before I see another day,
Oh let my body die away!
In sleep I heard the northern gleams;
The stars, they were among my dreams;
In rustling conflict through the skies,
I heard, I saw the flashes drive,
And yet they are upon my eyes,
And yet I am alive;
Before I see another day,
Oh let my body die away!

II

My fire is dead: it knew no pain;
Yet is it dead, and I remain:
All stiff with ice the ashes lie;
And they are dead, and I will die.
When I was well, I wished to live,
For clothes, for warmth, for food, and fire;
But they to me no joy can give,
No pleasure now, and no desire.
Then here contented will I lie!
Alone, I cannot fear to die.

III

Alas! ye might have dragged me on
Another day, a single one!

I

Ужель мне видеть утро снова?
Я умереть давно готова,
Нет, я не сплю и не во сне
Я вижу вспышки в вышине,
Сиянью северному внемлю,
Я слышу треск его огней, -
Пришла пора покинуть землю,
Пришла пора расстаться с ней.
Ужель мне видеть утро снова?
Я умереть давно готова.

II

Костер погас. И я погасну.
К чему же плакать понапрасну?
Зола покрылась коркой льда,
Потух огонь мой навсегда.
Я вспоминаю, как, бывало,
О крове, пище и огне
И я просила, я мечтала, -
Теперь к чему все это мне?
С огнем погаснут все желанья, -
Я встречу смерть без содроганья.

III

Быть может, день-другой за вами,
Друзья, неверными шагами

Too soon I yielded to despair;
 Why did ye listen to my prayer?
 When ye were gone my limbs were stronger;
 And oh, how grievously I rue,
 That, afterwards, a little longer,
 My friends, I did not follow you!
 For strong and without pain I lay,
 Dear friends, when ye were gone away.

IV

My Child! they gave thee to another,
 A woman who was not thy mother.
 When from my arms my Babe they took,
 On me how strangely did he look!
 Through his whole body something ran,
 A most strange working did I see;
 - As if he strove to be a man,
 That he might pull the sledge for me:
 And then he stretched his arms, how wild!
 Oh mercy! like a helpless child.

V

My little joy! my little pride!
 In two days more I must have died.
 Then do not weep and grieve for me;
 I feel I must have died with thee.
 O wind, that o'er my head art flying
 The way my friends their course did bend,
 I should not feel the pain of dying,

Смогла б еще тащиться я...
 К чему вы слушали меня!
 Я так жалею, что молила
 Меня оставить умирать,
 Ко мне опять вернулись силы,
 Могла б я в путь идти опять.
 Но вы дорогою далекой
 Уже ушли от одинокой.

IV

Мое дитя! Тебя, качая,
 Несет отныне мать чужая,
 Ты от родных оторван рук.
 В твоих глазах сквозил испуг,
 Быть может, гнев мужчины ранний,
 Ты не хотел покинуть мать,
 Рванулся ты запрячь ей сани,
 Чтоб вместе путь с ней продолжать.
 Но так беспомощно ручонки
 Ты протянул на плач мой громкий.

V

Ты моя радость, мой малютка,
 Здесь умирать одной так жутко,
 Зато ты жив - и не жалея
 О бедной матери твоей.
 Слова когда бы улетали
 С порывом ветра вам вослед -
 Я умерла бы без печали,

VI

Could I with thee a message send;
Too soon, my friends, ye went away;
For I had many things to say.

I'll follow you across the snow;
Ye travel heavily and slow;
In spite of all my weary pain
I'll look upon your tents again.
- My fire is dead, and snowy white
The water which beside it stood:
The wolf has come to me to-night,
And he has stolen away my food.
For ever left alone am I;
Then wherefore should I fear to die?

VII

Young as I am, my course is run,
I shall not see another sun;
I cannot lift my limbs to know
If they have any life or no.
My poor forsaken Child, if I
For once could have thee close to me.
With happy heart I then would die,
And my last thought would happy be;
But thou, dear Babe, art far away,
Nor shall I see another day.

VI

Ждала б услышать ваш ответ.
Хочу сказать еще так много,
Но вы ушли своей дорогой.

Тяжел ваш путь сквозь мрак морозный,
И вас нагнать еще не поздно
И на шатры взглянуть хоть раз,
Увидеть их в предсмертный час.
Погас костер во мгле холодной,
Вода замерзла, нет огня.
Сегодня ночью волк голодный
Унес всю пищу от меня.
Одна, одна в пустыне снежной,
Одна со смертью неизбежной.

VII

Кровь застывает в моих жилах,
Я шевельнуть рукой не в силах,
Жизнь прожита, и для меня
Навеки скрылся отблеск дня.
Дитя мое, когда б могла я
Прижать тебя к груди своей,
Я б умерла, благословляя
Конец своих недолгих дней.
Но ты не слышишь, ты далеко,
Я умираю одиноко.

Баллада написана в Альфоксдене в 1798 г. В основе сюжета - рассказ о жизни индейцев из "Путешествий" Хирна.

Сэмюэль Хирн (Hearne, Samuel, 1745-1792) - английский путешественник, состоял на службе у компании "Гудзонов залив", исследовал берега Гудзонова залива и совершил несколько путешествий на северо-запад в поисках меди. Полное название его книги *Journey from Prince of Wales Fort in Hudson Bay to the North Ocean* (1795).

**Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey, on
Revisiting the Banks of the Wye during a Tour. July 13,
1798**

Five years have past; five summers, with the length
Of five long winters! and again I hear
These waters, rolling from their mountain-springs
With a soft inland murmur. - Once again
Do I behold these steep and lofty cliffs,
That on a wild secluded scene impress
Thoughts of more deep seclusion; and connect
The landscape with the quiet of the sky.
The day is come when I again repose
Here, under this dark sycamore, and view
These plots of cottage-ground, these orchard-tufts,
Which at this season, with their unripe fruits,
Are clad in one green hue, and lose themselves
'Mid groves and copses. Once again I see
These hedge-rows, hardly hedge-rows, little lines
Of sportive wood run wild: these pastoral farms,
Green to the very door; and wreaths of smoke
Sent up, in silence, from among the trees!
With some uncertain notice, as might seem
Of vagrant dwellers in the houseless woods,

**Строки, написанные на расстоянии нескольких миль
от Тинтернского аббатства при повторном путешествии
на берега реки Уай**

Пять лет прошло; зима, сменяя лето,
Пять раз являлась! И опять я слышу
Негромкий рокот вод, бегущих с гор,
Опять я вижу хмурые утесы -
Они в глухом, уединенном месте
Внушают мысли об уединенье
Другом, глубоком, и соединяют
Окрестности с небесной тишиной.
Опять настала мне пора прилечь
Под темной сикоморой и смотреть
На хижины, сады и огороды,
Где в это время года все плоды,
Незрелые, зеленые, сокрыты
Среди густой листвы. Опять я вижу
Живые изгороди, что ползут,
Подобно ответвлениям леса; мызы,
Плющом покрытые; и дым витой,
Что тишина вздымает меж деревьев!
И смутно брезжат мысли о бродягах,
В лесу живущих, или о пещере,

Or of some Hermit's cave, where by his fire
The Hermit sits alone.

These beautiful forms,
Through a long absence, have not been to me
As is a landscape to a blind man's eye:
But oft, in lonely rooms, and 'mid the din
Of towns and cities, I have owed to them
In hours of weariness, sensations sweet,
Felt in the blood, and felt along the heart;
And passing even into my purer mind,
With tranquil restoration: - feelings too
Of unremembered pleasure: such, perhaps,
As have no slight or trivial influence
On that best portion of a good man's life,
His little, nameless, unremembered, acts
Of kindness and of love. Nor less, I trust,
To them I may have owed another gift,
Of aspect more sublime; that blessed mood,
In which the burthen of the mystery,
In which the heavy and the weary weight
Of all this unintelligible world,
Is lightened: - that serene and blessed mood,
In which the affections gently lead us on, -
Until, the breath of this corporeal frame
And even the motion of our human blood
Almost suspended, we are laid asleep
In body, and become a living soul:
While with an eye made quiet by the power
Of harmony, and the deep power of joy,
We see into the life of things.

If this

Где у огня сидит отшельник.

Долго

Не видел я ландшафт прекрасный этот,
Но для меня не стал он смутной грезой.
Нет, часто, сидя в комнате унылой
Средь городского шума, был ему я
Обязан в час тоски приятным чувством,
Живящим кровь и в сердце ощутимым,
Что проникало в ум, лишенный скверны,
Спокойным обновлением; и чувства
Отрад забытых, тех, что, может быть,
Немалое влияние окажут
На лучшее, что знает человек, -
На мелкие, невидные деянья
Любви и доброты. О, верю я:
Иным я, высшим даром им обязан,
Блаженным состояньем, при котором
Все тяготы, все тайны и загадки,
Все горькое, томительное бремя
Всего непознаваемого мира
Облегчено покоем безмятежным,
Когда благие чувства нас ведут,
Пока телесное дыханье наше
И даже крови ток у нас в сосудах
Едва ль не прекратится - тело спит,
И мы становимся живой душой,
А взором, успокоенным по воле
Гармонии и радости глубокой,
Проникнем в суть вещей.

И если в этом

Be but a vain belief, yet, oh! how oft -
In darkness and amid the many shapes
Of joyless daylight; when the fretful stir
Unprofitable, and the fever of the world,
Have hung upon the beatings of my heart -
How oft, in spirit, have I turned to thee,
O sylvan Wye! thou wanderer thro' the woods,
How often has my spirit turned to thee!
And now, with gleams of half-extinguished thoughts
With many recognitions dim and faint,
And somewhat of a sad perplexity,
The picture of the mind revives again:
While here I stand, not only with the sense
Of present pleasure, but with pleasing thoughts
That in this moment there is life and food
For future years. And so I dare to hope,
Though changed, no doubt, from what I was when first
I came among these hills; when like a roe
I bounded o'er the mountains, by the sides
Of the deep rivers, and the lonely streams,
Wherever nature led; more like a man
Flying from something that he dreads, than one
Who sought the thing he loved. For nature then
(The coarser pleasures of my boyish days,
And their glad animal movements all gone by)
To me was all in all. - I cannot paint
What then I was. The sounding cataract
Haunted me like a passion: the tall rock,
The mountain, and the deep and gloomy wood,
Their colours and their forms, were then to me
An appetite; a feeling and a love,

Я ошибаюсь, все же - ах! - как часто
Во тьме, среди обликов многообразных
Безрадостного дня, когда все в мире
Возбуждено бесплодной суетой, -
Как часто я к тебе стремился духом,
Скиталец Уай, текущий в диких чашах,
Как часто я душой к тебе стремился.

А ныне, при мерцанье зыбких мыслей,
В неясной дымке полуузнаванья
И с некоей растерянностью грустной,
В уме картина оживает вновь:
Я тут стою, не только ощущая
Отраду в настоящем, но отрадно
Мне в миге этом видеть жизнь и пищу
Грядущих лет. Надеяться я смею,
Хоть я не тот, каким я был, когда,
Попав сюда впервые, словно лань,
Скитался по горам, по берегам
Глубоких рек, ручьев уединенных,
Куда вела природа; я скорее
Напоминал того, кто убегает
От страшного, а не того, кто ищет
Отрадное. Тогда была природа
(В дни низменных, мальчишеских утех,
Давно прошедших бешеных восторгов)
Всем для меня. Я описать не в силах
Себя в ту пору. Грохот водопада
Меня преследовал, вершины скал,
Гора, глубокий и угрюмый лес -
Их очертанья и цвета рождали

That had no need of a remoter charm,
By thought supplied, nor any interest
Unborrowed from the eye. - That time is past,
And all its aching joys are now no more,
And all its dizzy raptures. Not for this
Faint I, nor mourn nor murmur; other gifts
Have followed; for such loss, I would believe,
Abundant recompence. For I have learned
To look on nature, not as in the hour
Of thoughtless youth; but hearing often-times
The still, sad music of humanity,
Nor harsh nor grating, though of ample power
To chasten and subdue. And I have felt
A presence that disturbs me with the joy
Of elevated thoughts; a sense sublime
Of something far more deeply interfused,
Whose dwelling is the light of setting suns,
And the round ocean and the living air,
And the blue sky, and in the mind of man;
A motion and a spirit, that impels
All thinking things, all objects of all thought,
And rolls through all things. Therefore am I still
A lover of the meadows and the woods,
And mountains; and of all that we behold
From this green earth; of all the mighty world
Of eye, and ear, - both what they half create,
And what perceive; well pleased to recognise
In nature and the language of the sense,
The anchor of my purest thoughts, the nurse,
The guide, the guardian of my heart, and soul
Of all my moral being.

Во мне влечение - чувство и любовь,
Которые чуждались высших чар,
Рожденных мыслью, и не обольщались
Ничем незримым. - Та пора прошла,
И больше нет ее утех щемящих,
Ее экстазов буйных. Но об этом
Я не скорблю и не ропщу: взамен
Я знал дары иные, и обильно
Возмещены потери. Я теперь
Не так природу вижу, как порой
Бездумной юности, но часто слышу
Чуть слышную мелодию людскую
Печальную, без грубости, но в силах
Смирять и подчинять. Я ощущаю
Присутствие, палящее восторгом,
Высоких мыслей, благостное чувство
Чего-то, проникающего вглубь,
Чье обиталище - лучи заката,
И океан, и животворный воздух,
И небо синее, и ум людской -
Движение и дух, что направляет
Все мыслящее, все предметы мыслей,
И все пронизывает. Потому-то
Я до сих пор люблю леса, луга
И горы - все, что на земле зеленой
Мы видеть можем; весь могучий мир
Ушей и глаз - все, что они приметят
И полусоздадут; я рад признать
В природе, в языке врожденных чувств
Чистейших мыслей якорь, пристань сердца,
Вожатого, наставника и душу

Nor perchance,
If I were not thus taught, should I the more
Suffer my genial spirits to decay:
For thou art with me here upon the banks
Of this fair river; thou my dearest Friend,
My dear, dear Friend; and in thy voice I catch
The language of my former heart, and read
My former pleasures in the shooting lights
Of thy wild eyes. Oh! yet a little while
May I behold in thee what I was once,
My dear, dear Sister! and this prayer I make,
Knowing that Nature never did betray
The heart that loved her; 'tis her privilege,
Through all the years of this our life, to lead
From joy to joy: for she can so inform
The mind that is within us, so impress
With quietness and beauty, and so feed
With lofty thoughts, that neither evil tongues,
Rash judgments, nor the sneers of selfish men,
Nor greetings where no kindness is, nor all
The dreary intercourse of daily life,
Shall e'er prevail against us, or disturb
Our cheerful faith, that all which we behold
Is full of blessings. Therefore let the moon
Shine on thee in thy solitary walk;
And let the misty mountain-winds be free
To blow against thee: and, in after years,
When these wild ecstasies shall be matured
Into a sober pleasure; when thy mind
Shall be a mansion for all lovely forms,
Thy memory be as a dwelling-place

Природы нравственной моей.
Быть может,
Не знай я этого, мой дух в упадок
Прийти бы мог; со мной ты на берегах
Реки прекрасной - ты, мой лучший друг,
Мой милый, милый друг; в твоих речах
Былой язык души моей я слышу,
Ловлю былые радости в сверканье
Твоих безумных глаз. О да! Пока
Еще в тебе я вижу, чем я был,
Сестра любимая! Творю молитву,
Уверен, что Природа не предаст
Ее любивший дух: ее веленьем
Все годы, что с тобой мы вместе, стали
Чредою радостей; она способна
Так мысль настроить нашу, так исполнить
Прекрасным и покойным, так насытить
Возвышенными думами, что ввек
Злословие, глумленье себялюбцев,
Поспешный суд, и лживые приветы,
И скука повседневной суеты
Не одолеют нас и не смутят
Веселой веры в то, что все кругом
Полно благословений. Пусть же месяц
Тебя в часы прогулки озарит,
Пусть горный ветерок тебя обвеет,
И если ты в грядущие года
Экстазы безрассудные заменишь
Спокойной, трезвой радостью, и ум
Все облики прекрасного вместит,
И в памяти твоей пребудут вечно

For all sweet sounds and harmonies; oh! then,
 If solitude, or fear, or pain, or grief,
 Should be thy portion, with what healing thoughts
 Of tender joy wilt thou remember me,
 And these my exhortations! Nor, perchance -
 If I should be where I no more can hear
 Thy voice, nor catch from thy wild eyes these gleams
 Of past existence - wilt thou then forget
 That on the banks of this delightful stream
 We stood together; and that I, so long
 A worshipper of Nature, hither came
 Unwearied in that service: rather say
 With warmer love - oh! with far deeper zeal
 Of holier love. Nor wilt thou then forget,
 That after many wanderings, many years
 Of absence, these steep woods and lofty cliffs,
 And this green pastoral landscape, were to me
 More dear, both for themselves and for thy sake!

Гармония и сладостные звуки, -
 О, если одиночество и скорбь
 Познаешь ты, то как целебно будет
 Тебе припомнить с нежностью меня
 И увещания мои! Быть может,
 Я буду там, где голос мой не слышен,
 Где я увижу взор безумный твой,
 Зажженный прошлой жизнью, - помня все же,
 Как мы на берегу прекрасных вод
 Стояли вместе; как я, с давних пор
 Природы обожатель, не отрекся
 От моего служенья, но пылал
 Все больше - о! - все пламеннее рвением
 Любви святейшей. Ты не забудешь,
 Что после многих странствий, многих лет
 Разлуки, эти чащи и утесы
 И весь зеленый край мне стал дороже...
 Он сам тому причиной - но и ты!

Перевод В. Рогова

"Ни одно мое стихотворение не было написано при обстоятельствах, которые мне было бы приятнее вспоминать, чем это. Я начал сочинять его, покинув Тинтерн и переправившись через Уай, и закончил, как раз подходя вечером к Бристоллю после четырех- или пятидневной прогулки с моей сестрой. Ни строчки из него не было изменено и ни строчки не записано до приезда в Бристоль. Оно почти сразу же было опубликовано в маленьком сборнике, о котором многое уже говорилось в этих заметках" (т. е. "Лирических балладах". - Прим. Вордсворта).

Тинтернское аббатство расположено в Монмутшире на реке Уай. Основано Уолтером де Клером в 1131 г. для монахов Цистернианского ордена. Закрыто во время церковной реформы при Генрихе VIII в первой половине XVI в. Считается одной из самых живописных и знаменитых церковных руин в Англии.

Expostulation and Reply

"Why, William, on that old grey stone,
Thus for the length of half a day,
Why, William, sit you thus alone,
And dream your time away?"

"Where are your books? - that light bequeathed
To Beings else forlorn and blind!
Up! up! and drink the spirit breathed
From dead men to their kind.

"You look round on your Mother Earth,
As if she for no purpose bore you;
As if you were her first-born birth,
And none had lived before you!"

One morning thus, by Esthwaite lake,
When life was sweet, I knew not why,
To me my good friend Matthew spake,
And thus I made reply:

"The eye - it cannot choose but see;
We cannot bid the ear be still;
Our bodies feel, where'er they be,
Against or with our will.

"Nor less I deem that there are Powers
Which of themselves our minds impress;
That we can feed this mind of ours

Увещеванье и ответ

"Скажи мне, Вильям, почему,
На сером камне сидя праздно,
Воображенью своему
Часы ты жертвуешь напрасно?"

Читай! Нам в книгах явлен свет.
И чтоб не быть слепым и диким,
Учись у тех, кого уж нет,
Исполнись духом их великим.

Вокруг ты смотришь, как дитя,
Как будто, первенец творенья,
Природой создан ты шутя,
Без цели и предназначенья".

Так у озерных вод, в краю,
Где жизнь сладка и воздух светел,
Мне говорил мой друг Метью,
И вот что я ему ответил:

"Не выбирая, видит глаз.
Слух чуток не по приказанью.
Не спрашивают чувства нас,
Являясь вопреки желанью.

И, несомненно, силы есть,
Что дарят знанье нам благое
И сердцу посылают весть

In a wise passiveness.

"Think you, 'mid all this mighty sum
Of things for ever speaking,
That nothing of itself will come,
But we must still be seeking?

"- Then ask not wherefore, here, alone,
Conversing as I may,
I sit upon this old grey stone,
And dream my time away."

В час созерцанья и покоя.

И если их несметный рой
Нас наполняет голосами,
И все дано само собой, -
Зачем должны искать мы сами?

Теперь, надеюсь, понял ты,
Мой милый друг, что не напрасно
Я время трачу на мечты,
На сером камне сидя праздно".

Перевод И. Меламеда

**The Tables Tuned,
an Evening Scene on the Same Subject**

Up! up! my Friend, and quit your books;
Or surely you'll grow double:
Up! up! my Friend, and clear your looks;
Why all this toil and trouble?

The sun, above the mountain's head,
A freshening lustre mellow
Through all the long green fields has spread,
His first sweet evening yellow.

Books! 'tis a dull and endless strife:
Come, hear the woodland linnet,
How sweet his music! on my life,
There's more of wisdom in it.

**Все наоборот.
Вечерняя сцена, посвященная той же теме**

Встань! Оторвись от книг, мой друг!
К чему бесплодное томленье?
Взгляни внимательней вокруг,
Не то тебя состарит чтение!

Вот солнце над громадой гор
Вослед полуденному зною
Зеленый залило простор
Вечерней нежной желтизною.

Как сладко иволга поет!
Спешి внимать ей! пенье птицы
Мне больше мудрости дает,
Чем эти скучные страницы.

And hark! how blithe the throstle sings!
 He, too, is no mean preacher
 Come forth into the light of things,
 Let Nature be your teacher.

She has a world of ready wealth,
 Our minds and hearts to bless -
 Spontaneous wisdom breathed by health,
 Truth breathed by cheerfulness.

One impulse from a vernal wood
 May teach you more of man,
 Of moral evil and of good,
 Than all the sages can.

Sweet is the lore which Nature brings;
 Our meddling intellect
 Mis-shapes the beauteous forms of things:-
 We murder to dissect.

Enough of Science and of Art;
 Close up those barren leaves;
 Come forth, and bring with you a heart
 That watches and receives.

Послушать проповедь дрозда
 Ступай в зеленую обитель!
 Там просветишься без труда:
 Природа - лучший твой учитель.

Богатство чудное свое
 Она дарует нам с любовью.
 И в откровениях ее
 Веселье дышит и здоровье.

Тебе о сущности добра
 И человечьем назначенье
 Расскажут вешние ветра,
 А не мудреные ученья.

Ведь наш безжизненный язык,
 Наш разум в суете напрасной
 Природы искажают лик,
 Разъяв на части мир прекрасный.

Искусств не надо и наук.
 В стремленьи к подлинному знанью
 Ты сердце научи, мой друг,
 Вниманию и пониманью.

Перевод И. Меламеда

Эти стихотворения, посвященные одной теме, написаны в 1798 г. в Альфоксдене. Они выражают важную для романтиков Озерной школы идею ценности непосредственного жизненного впечатления или переживания, приоритета его перед книжной мудростью. Вордсворт упомянул в комментарии, что эти стихотворения были особенно любимы квакерами - последователями одной из протестантских мистических сект, возникшей в Англии во второй половине XVII в., - проповедовавшими принцип, что "истина заключается не в книгах, а в сердцах людей".

Lines Written in Early Spring

I heard a thousand blended notes,
While in a grove I sate reclined,
In that sweet mood when pleasant thoughts
Bring sad thoughts to the mind.

To her fair works did Nature link
The human soul that through me ran;
And much it grieved my heart to think
What man has made of man.

Through primrose tufts, in that green bower,
The periwinkle trailed its wreaths;
And 'tis my faith that every flower
Enjoys the air it breathes.

The birds around me hopped and played,
Their thoughts I cannot measure:-
But the least motion which they made
It seemed a thrill of pleasure.

The budding twigs spread out their fan,
To catch the breezy air;
And I must think, do all I can,
That there was pleasure there.

If this belief from heaven be sent,
If such be Nature's holy plan,
Have I not reason to lament

Строки, написанные раннею весной

В прозрачной роще, в день весенний
Я слушал многозвучный шум.
И радость светлых размышлений
Сменялась грустью мрачных дум.

Все, что природа сотворила,
Жило в ладу с моей душой.
Но что, - подумал я уныло, -
Что сделал человек с собой?

Средь примул, полных ликования,
Барвинок нежный вил венки.
От своего благоуханья
Блаженствовал любой цветок.

И, наблюдая птиц круженье, -
Хоть и не мог их мыслей знать, -
Я верил: каждое движенье
Для них - восторг и благодать.

И ветки ветра дуновенье
Ловили веером своим.
Я не испытывал сомненья,
Что это было в радость им.

И коль уверенность моя -
Не наваждение пустое,
Так что, - с тоскою думал я, -

What man has made of man?

Что сделал человек с собою?

Перевод И. Меламеда

Стихотворение написано в 1798 г. в Альфоксдене, по воспоминаниям поэта, в одном из его любимых уголков на берегу ручья, бежавшего с высокой скалы и обрывавшегося водопадом в небольшое озеро.

Lucy Gray

Oft I had heard of Lucy Gray:
And, when I crossed the wild,
I chanced to see at break of day
The solitary child.

No mate, no comrade Lucy knew;
She dwelt on a wide moor,
- The sweetest thing that ever grew
Beside a human door!

You yet may spy the fawn at play,
The hare upon the green;
But the sweet face of Lucy Gray
Will never more be seen.

"To-night will be a stormy night -
You to the town must go;
And take a lantern, Child, to light
Your mother through the snow."

"That, Father! will I gladly do:

Люси Грей

Не раз я видел Люси Грей
В задумчивой глуши,
Где только шорохи ветвей,
И зной, и ни души.

Никто ей другом быть не мог
Среди глухих болот.
Никто не знал, какой цветок
В лесном краю растет.

В лесу встречаю я дрозда
И зайца на лугу,
Но милой Люси никогда
Я встретить не смогу.

- Эй, Люси, где-то наша мать,
Не сбилась бы с пути.
Возьми фонарь, ступай встречать,
Стемнеет - посвети.

- Отец, я справлюсь дотемна,

"Tis scarcely afternoon -
The minster-clock has just struck two,
And yonder is the moon!"

At this the Father raised his hook,
And snapped a faggot-band;
He plied his work;-and Lucy took
The lantern in her hand.

Not blither is the mountain roe:
With many a wanton stroke
Her feet disperse the powdery snow,
That rises up like smoke.

The storm came on before its time:
She wandered up and down;
And many a hill did Lucy climb:
But never reached the town.

The wretched parents all that night
Went shouting far and wide;
But there was neither sound nor sight
To serve them for a guide.

At day-break on a hill they stood
That overlooked the moor;
And thence they saw the bridge of wood,
A furlong from their door.

They wept-and, turning homeward, cried,
"In heaven we all shall meet;"

Всего-то три часа.
Еще едва-едва луна
Взошла на небеса.

- Иди, да только не забудь,
Мы к ночи бурю ждем. -
И Люси смело вышла в путь
Со старым фонарем.

Стройна, проворна и легка,
Как козочка в горах,
Она ударом башмака
Взметала снежный прах.

Потом спустился полог тьмы,
Завыло, замело.
Взбиралась Люси на холмы,
Но не пришла в село.

Напрасно звал отец-старик.
Из темноты в ответ
Не долетал ни плач, ни крик
И не маячил свет.

А поутру с немой тоской
Смотрели старики
На мост, черневший над рекой,
На ветлы у реки.

Отец промолвил: - От беды
Ни ставней, ни замков. -

- When in the snow the mother spied
The print of Lucy's feet.

Then downwards from the steep hill's edge
They tracked the footmarks small;
And through the broken hawthorn hedge,
And by the long stone-wall;

And then an open field they crossed:
The marks were still the same;
They tracked them on, nor ever lost;
And to the bridge they came.

They followed from the snowy bank
Those footmarks, one by one,
Into the middle of the plank;
And further there were none!

- Yet some maintain that to this day
She is a living child;
That you may see sweet Lucy Gray
Upon the lonesome wild.

O'er rough and smooth she trips along,
And never looks behind;
And sings a solitary song
That whistles in the wind.

И вдруг заметил он следы
Знакомых башмаков.

Следы ведут на косогор,
Отчетливо видны,
Через проломанный забор
И дальше вдоль стены.

Отец и мать спешат вперед.
До пояса в снегу.
Следы идут, идут - и вот
Они на берегу.

На сваях ледяной нарост,
Вода стремится свой бег.
Следы пересекают мост...
А дальше чистый снег.

Но до сих пор передают,
Что Люси Грей жива,
Что и теперь ее приют -
Лесные острова.

Она болотом и леском
Петляет наугад,
Поет печальным голоском
И не глядит назад.

Перевод Игн. Ивановского

Дороти: в Йоркшире, недалеко от Галифакса, маленькая девочка потерялась зимой в бурю, родители нашли ее следы, которые вели к плотине у канала и обрывались. Тело ее было позже найдено в канале. Вордсворт в комментариях обращал внимание читателя на то, что его трактовка этого случая, его попытка одухотворить образ девочки и одеть будничную трагедию покровом воображения отличаются от сухой фактографической (matter of fact) манеры Крабба, нередко обращавшегося к подобным сюжетам.

There was a Boy

There was a Boy; ye knew him well, ye cliffs
 And islands of Winander! - many a time,
 At evening, when the earliest stars began
 To move along the edges of the hills,
 Rising or setting, would he stand alone,
 Beneath the trees, or by the glimmering lake;
 And there, with fingers interwoven, both hands
 Pressed closely palm to palm and to his mouth
 Uplifted, he, as through an instrument,
 Blew mimic hootings to the silent owls,
 That they might answer him. - And they would shout
 Across the watery vale, and shout again,
 Responsive to his call, - with quivering peals;
 And long halloos, and screams, and echoes loud
 Redoubled and redoubled; concourse wild
 Of jocund din! And, when there came a pause
 Of silence such as baffled his best skill:
 Then, sometimes, in that silence, while he hung
 Listening, a gentle shock of mild surprise
 Has carried far into his heart the voice
 Of mountain-torrents; or the visible scene

Мальчик

Был мальчик. Вам знаком он был, утесы
 И острова Винандра! Сколько раз,
 По вечерам, лишь только над верхами
 Холмов зажгутся искры ранних звезд
 В лазури темной, он стоял, бывало,
 В тени деревьев, над озером блестящим.
 И там, скрестивши пальцы и ладонь
 Сведя с ладонью наподобье трубки,
 Он подносил ее к губам и криком
 Тревожил мир в лесу дремучих сов.
 И на призыв его, со всех сторон,
 Над водною равниной раздавался
 Их дикий крик, пронзительный и резкий.
 И звонкий свист, и хохот, и в горах
 Гул перекатный эха - чудных звуков
 Волшебный хор! Когда же, вслед за тем,
 Вдруг наступала тишина, он часто
 В безмолвии природы, на скалах,
 Сам ощущал невольный в сердце трепет,
 Заслышав где-то далеко журчанье
 Ключей нагорных. Дивная картина

Would enter unawares into his mind
 With all its solemn imagery, its rocks,
 Its woods, and that uncertain heaven received
 Into the bosom of the steady lake.

This boy was taken from his mates, and died
 In childhood, ere he was full twelve years old.
 Pre-eminent in beauty is the vale
 Where he was born and bred: the church-yard hangs
 Upon a slope above the village-school;
 And, through that church-yard when my way has led
 On summer-evenings, I believe, that there
 A long half-hour together I have stood
 Mute-looking at the grave in which he lies!

Тогда в восторг в нем душу приводила
 Своей торжественной красотой, своими
 Утесами, лесами, теплым небом,
 В пучине вод неясно отраженным.

Его ж уж нет! Бедняжка умер рано,
 Лет девяти он сверстников оставил.
 О, как прекрасна тихая долина,
 Где он родился! Вся плющом увита,
 Висит со скал над сельской школой церковь.
 И если мне случится в летний вечер
 Идти через кладбище, я готов
 Там целый час стоять с глубокой думой
 Над тихою могилой, где он спит.

Перевод Д. Мина

Стихотворение написано в Германии в 1799 г., когда у Вордсворта складывался замысел поэмы "Прелюдия", посвященной его становлению как поэта, и представляет собой как бы ранний набросок к ней. Сам Вордсворт заметил: "Это отрывок из поэмы о моем поэтическом образовании". Поэт вспоминал также, что искусство свистеть на пальцах было во времена его детства известно каждому школьнику Озерного края, хотя не всем давалось одинаково хорошо.

Lucy

I

Strange fits of passion have I known:
 And I will dare to tell,
 But in the Lover's ear alone,
 What once to me befell.

Люси

I

Какие тайны знает страсть!
 Но только тем из вас,
 Кто сам любви изведal власть,
 Доверю свой рассказ.

When she I loved looked every day
Fresh as a rose in June,
I to her cottage bent my way,
Beneath an evening-moon.

Upon the moon I fixed my eye,
All over the wide lea;
With quickening pace my horse drew nigh
Those paths so clear to me.

And now we reached the orchard-plot;
And, as we climbed the hill,
The sinking moon to Lucy's cot
Came near, and nearer still.

In one of those sweet dreams I slept,
Kind Nature's gentlest boon!
And all the while my eyes I kept
On the descending moon.

My horse moved on; hoof after hoof
He raised, and never stopped:
When down behind the cottage roof,
At once, the bright moon dropped.

What fond and wayward thoughts will slide
Into a Lover's head!
"O mercy!" to myself I cried,
"If Lucy should be dead!"

Когда, как роза вешних дней,
Любовь моя цвела,
Я на свиданье мчался к ней,
Со мной луна плыла.

Луну я взглядом провожал
По светлым небесам.
А конь мой весело бежал -
Он знал дорогу сам.

Вот наконец фруктовый сад,
Взбегающий на склон.
Знакомый крыши гладкий скат
Луною озарен.

Охвачен сладкой властью сна,
Не слышал я копыт
И только видел, что луна
На хижине стоит,

Копыто за копытом, конь
По склону вверх ступал.
Но вдруг луны погас огонь,
За крышею пропал.

Тоска мне сердце облегла,
Чуть только свет погас.
"Что, если Люси умерла?" -
Сказал я в первый раз.

II

She dwelt among the untrodden ways
Beside the springs of Dove,
A Maid whom there were none to praise
And very few to love:

A violet by a mossy stone
Half hidden from the eye!
- Fair as a star, when only one
Is shining in the sky.

She lived unknown, and few could know
When Lucy ceased to be;
But she is in her grave, and, oh,
The difference to me!

III

I travelled among unknown men,
In lands beyond the sea;
Nor, England! did I know till then
What love I bore to thee.

'Tis past, that melancholy dream!
Nor will I quit thy shore
A second time; for still I seem
To love thee more and more.

II

Среди нехоженных дорог,
Где ключ студеной бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.

Фиалка пряталась в лесах,
Под камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.

Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет - и оттого
Так изменился свет.

Перевод С. Маршака

III

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона -
Последняя любовь.

Among thy mountains did I feel
The joy of my desire;
And she I cherished turned her wheel
Beside an English fire.

Thy mornings showed, thy nights concealed
The bowers where Lucy played;
And thine too is the last green field
That Lucy's eyes surveyed.

V

A slumber did my spirit seal;
I had no human fears:
She seemed a thing that could not feel
The touch of earthly years.

No motion has she now, no force;
She neither hears nor sees;
Rolled round in earth's diurnal course,
With rocks, and stones, and trees.

В твоих горах уютился дом.
Там девушка жила.
Перед родимым очагом
Твой лен она пряла.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

Перевод С. Маршака

V

Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.

Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.

Перевод С. Маршака

III

Пока не началась моя
Дорога пилигрима,
О Англия, не ведал я,
Как мною ты любима.

Прошел тот грустный сон, и вновь
В простор меня не тянет,
Но, кажется, к тебе любовь
Расти не перестанет.

Твои леса, твои луга,
Здесь все, что сердцу свято,
У английского очага
Люси пряла когда-то.

Твое светило грело нас
В дни юности веселой,
И взор Люси в последний раз
Взглянул на эти доли.

Перевод Г. Иванова

Эти стихотворения, написанные в 1799 г. в Германии, в Госларе, образуют вместе со стихотворением "Three years she grew in sun and shower..." так называемый цикл "Люси". Вордсворт никогда не комментировал этих стихотворений, но считается, что они посвящены Пегги Хатчинсон, рано умершей.

Beside the spring of Dove... - Имеется в виду название дома, в котором впервые поселился Вордсворт в Грасмире, - Dove Cottage. Третье стихотворение, "I travelled among unknown men...", было опубликовано позже, в сборнике 1807 г., но здесь мы считаем уместным отступить от принципа первой публикации ради сохранения целостности лирического цикла.

С. Я. Маршак перевел первое, второе, третье и пятое стихотворения цикла; третье стихотворение, "К чужим, в далекие края...", впервые было опубликовано в журнале "Красноармеец", 1943, № 11, остальные - в книге "Английские баллады и песни" (М., 1944). Четвертое и достаточно важное в идейном плане стихотворение:

Three years she grew in sun and shower,
Then Nature said: "A lovelier flower
On earth was never sown;
This child I to myself will take;

She shall be mine, and I will make
A Lady of my own.

"Myself will to my darling be
Both law and impulse: and with me
The Girl, in rock and plain,
In earth and heaven, in glade and bower,
Shall feel an overseeing power
To kindle or restrain.

"She shall be sportive as the fawn
That wild with glee across the lawn,
Or up the mountain springs;
And hers shall be the breathing balm,
And hers the silence and the calm
Of mute insensate things.

"The floating clouds their state shall lend
To her; for her the willow bend;
Nor shall she fail to see
Even in the motions of the Storm
Grace that shall mould the Maiden's form
By silent sympathy.

"The stars of midnight shall be dear
To her; and she shall lean her ear
In many a secret place
Where rivulets dance their wayward round,
And beauty born of murmuring sound
Shall pass into her face.

And vital seelings of delight
Shall rear her form to stately height,
Her virgin bosom swell;
Such Thoughts to Lucy I will give
While she and I together live
Here in this happy dell."

Thus Nature spake - The work was done
How soon my Lucy's race was run!
She died and left to me
This heath, this calm, and quiet scene;
The memory of what has been,
And never more will be.

В журнале "Всемирная иллюстрация" за 1875 г. (т. 14, Э 6, с. 107), в статье, посвященной художественной выставке в Лондонской королевской академии, помещен анонимный вольный перевод части этого стихотворения. Речь идет о том, что женские скульптуры, представленные на выставке, выполнены технично, но сами модели недостойны увековечения в произведении искусства. О них "природа не сказала бы того, что говорит устами Уорсуорта в его прелестном стихотворении "Люси"".

В дни юности светлой в тиши безмятежной полей
Законом, примером я буду для милой моей.
Как лань молодая, веселости детской полна,
Не зная заботы, здесь будет резвиться она.
Ей дороги будут и звезды в лазури ночной,
И колос, что клонится в ниве зеленой волной.
Цветы на полянах ей будут родные друзья,
И песнею внятной ей станет журчанье ручья.

Ни в бурных порывах, ни в сладкой полдневной тиши
Мой голос не будет загадкой для юной души;

И чувство прекрасного, в чистых сияя чертах,
 Звездой заблещет в лазурных, как небо, глазах
 И, пламенем вечным пылая в груди молодой,
 Украсит чело ей высокой, изящной красой,
 И счастлива будет избранница Люси моя,
 Затем, что везде неразлучною с ней буду я.

We are Seven

- A simple Child,
 That lightly draws its breath,
 And feels its life in every limb,
 What should it know of death?

I met a little cottage Girl:
 She was eight years old, she said;
 Her hair was thick with many a curl
 That clustered round her head.

She had a rustic, woodland air,
 And she was wildly clad:
 Her eyes were fair, and very fair;
 - Her beauty made me glad.

"Sisters and brothers, little Maid,
 How many may you be?"
 "How many? Seven in all," she said
 And wondering looked at me.

Нас семеро

Легко радушное дитя
 Привыкшее дышать,
 Здоровьем, жизнью цветя,
 Как может смерть понять?

Навстречу девочка мне шла:
 Лет восемь было ей;
 Ее головку облегла
 Струя густых кудрей.

И дик был вид ее степной,
 И дик простой наряд,
 И радовал меня красой
 Малютки милый взгляд.

"Всех сколько вас, - ей молвил я, -
 И братьев, и сестер?"
 - Всего? Нас семь! - и, на меня
 Дивясь, бросает взор.

"And where are they? I pray you tell.
She answered, "Seven are we;
And two of us at Conway dwell,
And two are gone to sea.

"Two of us in the church-yard lie,
My sister and my brother;
And, in the church-yard cottage, I
Dwell near them with my mother."

"You say that two at Conway dwell,
And two are gone to sea,
Yet ye are seven! - I pray you tell,
Sweet Maid, how this may be."

Then did the little Maid reply,
"Seven boys and girls are we;
Two of us in the church-yard lie,
Beneath the church-yard tree."

"You run about, my little Maid,
Your limbs they are alive;
If two are in the church-yard laid,
Then ye are only five."

"Their graves are green, they may be seen,"
The little Maid replied,
"Twelve steps or more from my mother's door,
And they are side by side.

"My stockings there I often knit,

"А где ж они?" - Нас семь всего, -
В ответ малютка мне. -
Нас двое жить пошли в село
И два на корабле.

И на кладбище брат с сестрой
Лежат из семерых,
А за кладбищем я с родной:
Живем мы подле них.

"Как? Двое жить в село пошли,
Пустились двое плыть,
А вас все семь! Дружок, скажи,
Как это может быть?"

- Нас семь, нас семь! - она тотчас
Опять сказала мне.
- Здесь на кладбище двое нас
Под ивою в земле.

"Ты бегаешь вокруг нее,
Ты видно, что жива;
Но вас лишь пять, дитя мое,
Когда под ивой два".

- На их гробах земля в цветах,
И десяти шагов
Нет от дверей родной моей
До милых нам гробов.

Я часто здесь чулки вяжу,

My kerchief there I hem;
And there upon the ground I sit,
And sing a song to them.

"And often after sunset, Sir,
When it is light and fair,
I take my little porringer,
And eat my supper there.

"The first that died was sister Jane;
In bed she moaning lay,
Till God released her of her pain;
And then she went away.

"So in the church-yard she was laid;
And, when the grass was dry,
Together round her grave we played,
My brother John and I.

"And when the ground was white with snow,
And I could run and slide,
My brother John was forced to go,
And he lies by her side."

"How many are you, then," said I,
"If they two are in heaven?"
Quick was the little Maid's reply,
"O Master! we are seven."

"But they are dead; those two are dead!
Their spirits are in heaven!"

Платок мой здесь рублю,
И подле их могил сижусь,
И песни им пою.

И если поздненько порой
Светло горит заря,
То, взяв мой сыр и хлеб с собой,
Здесь ужинаю я.

Малютка Дженни день и ночь
Томилась, больна;
Но Бог ей не забыл помочь -
И спряталась она.

Когда же ее мы погребли
И расцвела земля -
К ней на могилку мы пришли
Резвиться, Джон и я.

Но только дождалась зимой
Коньков я и саней,
Ушел и Джон, братишка мой,
И лег он рядом с ней.

"Так сколько ж вас?" - был мой ответ. -
На небе двое, верь!
Вас только пять". - О, барин, нет!
Сочти - нас семь теперь.

"Да нет уж двух: они в земле,
А души в небесах!"

"Twas throwing words away; for still
The little Maid would have her will,
And said, "Nay, we are seven!"

Но был ли прок в моих словах?
Все девочка твердила мне:
- О нет, нас семь, нас семь!

Перевод И. Козлова

Нас семеро

Ребенку так легко дышать на свете!
Он жизни полон, - и зачем ему
О смерти знать? Нет, мысли эти
Несродны детскому уму.

Иду, - мне девочка навстречу.
Семь лет ей, по ее словам.
Дивлюсь густым ее кудрям,
Волнами вьющимся на плечи!
Простые сельские черты,
И странность дикая наряда,
И глазки, чудо красоты, -
Все в этой девочке отрада.

"Вас сколько братцев и сестер?"
- Нас семь, - она мне отвечает
И робко любопытный взор
На незнакомца подымает.
"Благословенная семья...
И вместе все, душа моя?"
- На кораблях ушли куда-то,
Да двое нас в земле лежат;

Нас семеро

Ребенок простодушный, чей
Так легок каждый вдох,
В ком жизнь струится, как ручей,
Что знать о смерти мог?

Я встретил девочку, идя
Дорогой полевой.
"Мне восемь", - молвило дитя
С кудрявой головой.

Одежда жалкая на ней
И диковатый вид.
Но милый взгляд ее очей
Был кроток и открыт.

"А сколько братьев и сестер
В твоей семье, мой свет?"
Бросая удивленный взор,
"Нас семь", - дала ответ.

"И где ж они?" - "Ушли от нас
В далекий Конвей двое,

А подле них, вон там в избушке,
Мы с маменькой...
Я слушать рад!
"Так двое за морем, вострушка,
Да двое в городе живут,
И стало вас не семь, а меней?"
- Нет, семь, ведь брат с сестрицей тут,
В земле, под купою ясеней.
"Ты, друг мой, споришь мне на смех!
Двоих уж вы похоронили;
Вас было семь, когда те жили,
Теперь не пятеро ли всех?"
- Их видно, барин, где они зарыты:
Могилки свежей зеленью покрыты.
За хижиной шагов пяток назад, -
Там! - оба рядышком лежат.

И я хожу туда вязать чулочек,
Для куклы шить или рубить платочек.
На травке сидя, как в раю,
Для них я песенки пою;
А закатится солнце красно
И на дворе тепло и ясно,
Я часто ужин свой беру, -
Хоть маменьке не по нутру, -
Иду опять к могилкам в гости
И ужинаю на погосте...

Сестрица прежде умерла:
В постельке охала, стонала;
Бог сжалился, - и перестала,

И двое на море сейчас.
А всех нас семь со мною.

За нашей церковью в тени
Лежат сестренка с братом.
И с мамой мы теперь одни
В сторожке с ними рядом".

"Дитя мое, как может вас
Быть семеро с тобою,
Коль двое на море сейчас
И на чужбине двое?"

"Нас семь, - ответ ее был прост, -
Сестра моя и брат,
Едва войдешь ты на погост -
Под деревом лежат".

"Ты здесь резвишься, ангел мой,
А им вовек не встать.
Коль двое спят в земле сырой,
То вас осталось пять".

"В цветах живых могилы их.
Шагов двенадцать к ним
От двери в дом, где мы живем
И их покой храним.

Я часто там чулки вяжу,
Себе одежду шью.
И на земле близ них сижу,

И молча в гробик свой сошла.
На кладбище ее зарыли.
Все лето с братцем мы ходили
К ней над могилкою играть;
Вот стал и снег уж выпадать,
Уж начались и катанья, -
Брат захворал - и, без страданья,
Он рядышком с сестрицей лег...

Я будто бы понять не мог.
"Так сколько ж вас теперь на свете?
Двоих Господь на небо взял?"
Она при том же все ответе:
- Нас семеро! - Я спорить стал;
Но речи тратил с ней напрасно,
Она стояла на своем,
И ей казалось очень ясно,
Что жить нельзя не всемером!

Перевод Е. Корша

И песни им пою.

А ясной летнею порой,
По светлым вечерам
Беру я мисочку с собой
И ужинаю там.

Сначала Джейн ушла от нас.
Стонала день и ночь.
Господь ее от боли спас,
Как стало ей невмочь.

Мы там играли - я и Джон,
Где камень гробовой
Над нею вырос, окружен
Весеннею травой.

Когда ж засыпал снег пути
И заблестел каток,
Джон тоже должен был уйти:
С сестрой он рядом лег".

"Но если брат с сестрой в раю, -
Вскричал я, - сколько ж вас?"
Она в ответ на речь мою:
"Нас семеро сейчас!"

"Их нет, увы! Они мертвы!
На небесах их дом!"
Она ж по-прежнему: "Нас семь!" -
Меня не слушая совсем,

Стояла на своем.

Перевод И. Меламеда

Баллада написана в Альфоксдене. Девочку, героиню стихотворения, Вордсворт встретил в 1793 г. возле замка Гудридж во время путешествия, когда, посетив о-в Уайт и долину Сейлсбери, он продолжил путь вверх по течению реки Уай. В 1841 г. поэт вновь посетил замок Гудридж и вспомнил о девочке, но отыскать выросшую героиню уже не смог, так как даже не спросил ее имени.

Convoу - морской порт в северном Уэльсе.

Эта баллада Вордсворта вызвала наибольший интерес русских переводчиков XIX в. Перевод И. Козлова впервые опубликован в кн.: Собрание сочинений Ивана Козлова. СПб., 1833. Перевод Е. Корша впервые опубликован в журнале "Библиотека для чтения" за 1837 г., т. 24. Е. Корш является также автором одной из первых в России статей о Вордсворте: "Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт", опубликованной в журнале "Библиотека для чтения", 1835, т. 12, за подписью Е. К.

To the Cuckoo

O blithe New-comer! I have heard,
I hear thee and rejoice.
O Cuckoo! shall I call thee Bird,
Or but a wandering Voice?

While I am lying on the grass
Thy twofold shout I hear,
From hill to hill it seems to pass,
At once far off, and near.

Though babbling only to the Vale,
Of sunshine and of flowers,
Thou bringest unto me a tale
Of visionary hours.

Кукушка

С восторгом слышу голос твой,
Кукушка, гость весны!
О, кто ты? - птица, иль пустой
Лишь голос с вышины?

Я слышу твой двухзвучный стон,
Здесь лежа на траве;
Вблизи, вдали - повсюду он
В воздушной синеве.

Долинам весть приносит он
О солнце, о цветах,
А мне - волшебный сладкий сон
О прошлых чудных днях.

Thrice welcome, darling of the Spring!
Even yet thou art to me
No bird, but an invisible thing,
A voice, a mystery;

The same whom in my school-boy days
I listened to; that Cry
Which made me look a thousand ways
In bush, and tree, and sky.

To seek thee did I often rove
Through woods and on the green;
And thou wert still a hope, a love;
Still longed for, never seen.

And I can listen to thee yet;
Can lie upon the plain
And listen, till I do beget
That golden time again.

O blessed Bird! the earth we pace
Again appears to be
An unsubstantial, faery place;
That is fit home for Thee!

К кукушке

Пленяй, как некогда, мне слух!
Доныне, гость долин,
Ты мне не птица; нет, ты дух,
Загадка, звук один, -

Тот звук, который в прежни дни,
Как школьник, я искал,
Везде, и в небе, и в тени
Дерев, и в недрах скал.

Бывало, целый день везде
В лесах, лугах брожу;
Ищу повсюду, но нигде
Тебя не нахожу.

Так и теперь я слушать рад
Твой крик в лесной тени.
Я жду: не придут ли назад
Давно минувши дни.

И снова кажется мне мир
Каким-то царством снов,
Куда принесся, как на пир,
Ты, вешний гость лесов!

Перевод Д. Мина

Кукушка

Едва начнешь ты куковать,
Я стану беззаботным,
О, птицей ли тебя назвать
Иль звуком перелетным?

Вот я в траве высокой лег
И слышу крик повторный,
Летит он, - близок и далек, -
Тревожа воздух горный.

Твердишь ты долам о весне,
О солнце и растеньях,
Но повесть ты приносишь мне
О призрачных мгновеньях.

Привет! Ты нам ласкаешь слух
Весною не случайно.
Не птица, а незримый дух,
Бродячий голос, тайна.

Все тот же, что меня пленял
В далеком детстве, в школе,
И вглядываться заставлял
В кусты, деревья, поле.

Я за тобой в лесу бродил,
И, голос перелетный,
Ты мне надеждой сладкой был,
Прекрасной и бесплотной.

И я люблю тебе внимать,

Я слышу издали сквозь сон
Тебя, мой давний друг.
Ты - птица или нежный стон,
Блуждающий вокруг?

Ложусь в траву, на грудь земли,
И твой двукратный зов
Звучит так близко и вдали,
Кочует меж холмов.

Привет любимице весны!
До нынешнего дня
Ты - звонкий голос тишины,
Загадка для меня.

Тебя я слушал с детских лет
И думал: где же ты?
Я за холмом искал твой след,
Обшаривал кусты.

Тебя искал я вновь и вновь
В лесах, среди полей.
Но ты, как счастье, как любовь,
Все дальше и милей.

Я и сейчас люблю бывать
В твоём лесу весной,
И время юности опять
Встает передо мной.

О птица-тайна! Мир вокруг,

Сокрыт травой густою,
Пока не оживет опять
То время золотое.

И мир, где обитаешь ты,
Мне кажется, о птица,
Чудесною страной мечты,
Где сердцу сладко биться.

Перевод Г. Иванова

В котором мы живем,
Виденьем кажется мне вдруг.
Он - твой волшебный дом.

Перевод С. Маршака

Стихотворение написано в саду дома в Грасмире в 1804 г. В XIX в. его переводил Д. Мин.

To a Butterfly

Stay near me - do not take thy flight!
A little longer stay in sight!
Much converse do I find in thee,
Historian of my infancy!
Float near me; do not yet depart!
Dead times revive in thee:
Thou bring'st, gay creature as thou art!
A solemn image to my heart,
My father's family!

Oh! pleasant, pleasant were the days,
The time, when, in our childish plays,
My sister Emmeline and I
Together chased the butterfly!
A very hunter did I rush

К мотыльку

Побудь со мной - не отнимай свой лет!
Пускай подольше взор мой счастье пьет!
И сладок мне твой вид, и горек,
О младости моей историк!
Ты будешь тут, не упорхнешь -
В тебе вся явь былого.
Веселый эльф, рождая дрожь,
Ты образ милый мне несешь -
Я в отчем доме снова.

О, сладки, сладки были эти дни,
Когда мы, шальные от беготни,
Вдвоем с сестрою Эммелиной
За мотыльком гнались долиной.
И я охотницу толкнул

Upon the prey:-with leaps and springs
I followed on from brake to bush;
But she, God love her, feared to brush
The dust from off its wings.

На жертву - вскачь, что было сил,
Мы мчались, словно ветер дул,
Но так летун и не стряхнул
Пыльцу с дрожащих крыл.

Перевод А. Ларина

Мотыльку

Побудь вблизи, прерви полет!
Пусть взор мой на тебе замрет!
Тобой воссоздан каждый миг
Первоначальных дней моих!
И время, что давно мертво,
оживлено тобой,
Порхающее существо:
Отца я вижу своего
со всей моей семьей.

О, сладость, сладость детских лет,
Когда за мотыльком вослед
Бежали мы с моей сестрой,
Разгоряченные игрой.
Я, как охотник, подстерег
Добычу - но напрасен был
Мой бег, отчаянный прыжок:
Оберегал ревниво Бог
пыльцу прелестных крыл.

Перевод И. Меламеда

Стихотворение написано в марте 1802 г., по воспоминаниям Вордсворта, в саду его дома в Таун-Энд в Грасмире и воскрешает светлые воспоминания детских игр с сестрой в те годы, когда еще была жива его мать.

“Among all lovely things my Love had been...”

Among all lovely things my Love had been;
Had noted well the stars, all flowers that grew
About her home; but she had never seen
A glow-worm, never one, and this I knew.

While riding near her home one stormy night
A single glow-worm did I chance to espy;
I gave a fervent welcome to the sight,
And from my horse I leapt; great joy had I.

Upon a leaf the glow-worm did I lay,
To bear it with me through the stormy night:
And, as before, it shone without dismay;
Albeit putting forth a fainter light.

When to the dwelling of my Love I came,
I went into the orchard quietly;
And left the glow-worm, blessing it by name,
Laid safely by itself, beneath a tree.

The whole next day, I hoped, and hoped with fear,
At night the glow-worm shone beneath the tree;
I led my Lucy to the spot, "Look here,"
Oh! joy it was for her, and joy for me!

«Моя любовь любила птиц, зверей...»

Моя любовь любила птиц, зверей,
Цветы любила, звезды, облака.
Я знал, что твари все знакомы ей,
Но не случилось видеть светлячка.

Ненастной ночью, едуци домой,
Я вижу вдруг зеленый луч у пня.
Гляжу, светляк! Вот радость, Боже мой!
Обрадованный, спрыгнул я с коня.

Я положил жучка на мокрый лист
И взял с собой в ненастье, в ночь его.
Он был все так же зелен и лучист,
Светил - и не боялся ничего.

Подъехав к дому Люси, я тайком
Прошел к ней в сад, хотя был еле жив,
Жучка оставил под ее окном
На ветке и ушел, благословив.

Весь день я ждал, надежду затая,
И ночью в сад пустился поскорей.
Жучок светился. "Люси!" - крикнул я
И так был рад, доставив радость ей!

Перевод В. Левика

"She was a Phantom of delight..."

She was a Phantom of delight
 When first she gleamed upon my sight;
 A lovely Apparition, sent
 To be a moment's ornament;
 Her eyes as stars of Twilight fair;
 Like Twilight's, too, her dusky hair;
 But all things else about her drawn
 From May-time and the cheerful Dawn;
 A dancing Shape, an Image gay,
 To haunt, to startle, and way-lay.

I saw her upon nearer view,
 A Spirit, yet a Woman too!
 Her household motions light and free,
 And steps of virgin-liberty;
 A countenance in which did meet
 Sweet records, promises as sweet;
 A Creature not too bright or good
 For human nature's daily food;
 For transient sorrows, simple wiles,
 Praise, blame, love, kisses, tears, and smiles.

And now I see with eye serene
 The very pulse of the machine;
 A Being breathing thoughtful breath,
 A Traveller between life and death;

«Созданием зыбкой красоты...»

Созданием зыбкой красоты
 Казались мне ее черты,
 Когда, ниспослана судьбой,
 Она возникла предо мной:
 От звезд полных - блеск очей,
 От ночи летней - смоль кудрей,
 А май беспечный и рассвет
 Дополнили ее портрет
 Весельем чувственных проказ,
 Таких губительных для нас.

Сия духовность - я узнал -
 Не лишена земных начал:
 Уверенность хозяйских рук
 И девичьи движенья вдруг;
 Лицо, в котором чистота
 Со страстью пылкою слита;
 А как выдерживать подчас
 Потоки немудреных фраз,
 Печаль, и смех, и ливень слез,
 Признаний, клятвенных угроз?!

Теперь мой взор невозмутим,
 И ясно предстает пред ним
 Ее размеренность во всем,
 Единство опыта с умом,

The reason firm, the temperate will,
Endurance, foresight, strength, and skill;
A perfect Woman, nobly planned,
To warn, to comfort, and command;
And yet a Spirit still, and bright
With something of angelic light.

Уменье все перенести
На трудном жизненном пути;
Венец земных начал, она
Для дома Богом создана,
И все ж духовное нет-нет
Свой ангельский в ней явит свет.

Перевод Э. Шустера

Стихотворение написано в Грасмире в 1804 г.

"I wandered lonely as a cloud..."

I wandered lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd,
A host, of golden daffodils;
Beside the lake, beneath the trees,
Fluttering and dancing in the breeze.

Continuous as the stars that shine
And twinkle on the milky way,
They stretched in never-ending line
Along the margin of a bay:
Ten thousand saw I at a glance,
Tossing their heads in sprightly dance.

The waves beside them danced; but they
Out-did the sparkling waves in glee:
A poet could not but be gay,
In such a jocund company:

Нарциссы

Как тучи одинокой тень,
Бродил я, сумрачен и тих,
И встретил в тот счастливый день
Толпу нарциссов золотых.
В тени ветвей у синих вод
Они водили хоровод.

Подобно звездному шатру,
Цветы струили зыбкий свет
И, колыхаясь на ветру,
Мне посылали свой привет.
Их были тысячи вокруг,
И каждый мне кивал, как друг.

Была их пляска весела,
И видел я, восторга полн,
Что с ней сравниться не могла
Медлительная пляска волн.

I gazed-and gazed-but little thought
What wealth the show to me had brought:

For oft, when on my couch I lie
In vacant or in pensive mood,
They flash upon that inward eye
Which is the bliss of solitude;
And then my heart with pleasure fills,
And dances with the daffodils.

Тогда не знал я всей цены
Живому золоту весны.

Но с той поры, когда впотьмах
Я тщетно жду прихода сна,
Я вспоминаю о цветах,
И, радостью осенена,
На том лесистом берегу
Душа танцует в их кругу.

Перевод А. Ибрагимова

Желтые нарциссы

Печальным реял я туманом
Среди долин и гор седых,
Как вдруг очнулся перед станом,
Толпой нарциссов золотых:
Шатал и гнул их ветерок,
И каждый трепетал цветок.

Бесчисленны в своем мерцанье,
Как звезды в млечности ночной,
Они вились по очертанью
Излучины береговой -
Сто сотен охватил на глаз
Пустившихся в веселый пляс.

Плясала и волна; резвее,
Однако, был цветов задор,
Тоску поэта вмиг развеял

Их оживленный разговор,
Но сердцу было невдогад,
Какой мне в них открылся клад.

Ведь ныне в сладкий час покоя
Иль думы одинокий час
Вдруг озарят они весною,
Пред оком мысленным явясь,
И сердцем я плясать готов,
Ликуя радостью цветов.

Перевод И. Лихачева

Стихотворение написано в 1804 г. в Грасмире; в дневнике Дороти Вордсворт имеется запись о прогулке, во время которой они с братом вышли на берег озера, весь заросший желтыми нарциссами.